

84(2Рос.Рус)6

Г 80

“ГРЕНАДА”

СТИХИ И ПРОЗА

1212077

ОТДЕЛ
КНИГОХРАНЕНИЯ

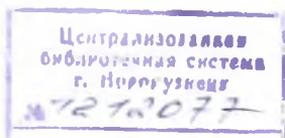
Д.К.
Р-1
Р-1
- 8,
10, 12, 13, 14

Приоритетный национальный проект
Культура
Кемеровской области

“ГРЕНАДА”

СТИХИ И ПРОЗА

Издательство “Кузнецкая крепость”
Новокузнецк
2006

84/2 Рос = Рус/6

Г 80

ББК 84.3Р7

Н28

**Издательство благодарит
главу города Новокузнецка
Мартина Сергея Дмитриевича
и председателя Кемеровской областной
организации писателей Юга Кузбасса
Косточакова Геннадия Васильевича
за материальную и моральную
поддержку этого издания**

**В данной книге публикуются стихи и проза
участников южнокузбасского семинара молодых
писателей.**

ISBN 5-87521-097-4

**© – Издательство
“Кузнецкая крепость”
© – Коллектив авторов**

“ГРЕНАДА”. XXI ВЕК: НОВЫЕ АВТОРЫ

В настоящий сборник вошли стихи и рассказы новокузнецких авторов, членов литературного объединения “Гренада”, участников семинара молодых литераторов 2006 года. Преобладают поэты.

Своя особая интонация у Александра Томского: он весьма лиричен, иногда склонен к ностальгическим переживаниям, наблюдателен; грусть у него нередко перемешивается с “юморком”, стихи полны сочувствия к человеку (возможно, это следствие медицинской профессии Александра, работающего на “скорой помощи”).

Внимательна и добра ко всему живому юная поэтесса Людмила Павлиди. Она, в первую очередь, откликается на всякую боль и беду, заступает за слабых и обиженных (стихотворения “Старик”, “Дельфиненок” и другие), с пронзительной нежностью пишет о матери.

Семнадцатилетняя девочка неплохо владеет стихотворной формой, но этическое начало ставит, пожалуй, выше эстетического. Исходным материалом ее стихов являются реальные жизненные факты, через отношение к которым проверяется наша совесть.

У взрослых поэтесс – Елизаветы Речкуновой и Наталии Истоминой – также заметно тяготение к вопросам духовно-нравственного плана, но выражено это уже сложнее: у Н. Истоминой – через метафорические “навороты” (“Растащили Большую Медведицу”), а у Е. Речкуновой – через христианскую символику (“На литургии”, “Однажды войти в Иордан”).

“Русским космизмом” веет от стихов Евгении Короткевич. Все они пронизаны звездным свечением, осыпаны мерцающими пылинками, помечены вкраплениями

фотонных частиц “вселенского первовещества”. Увиден этот небесный поток со старой доброй земли глазами мечтательной россиянки.

Особняком стоят лирические стихи Максима Шулакова, студента НФИ КемГУ. Эти стихи весьма безлюдны, в них много физически ощутимого одиночества.

Единственный собеседник лирического героя – природа, но не дикая, не роскошно-цветущая, а явно подступающая к городской черте. В ней-то и “находит что-то” автор и этим заинтересовывает читателя.

К особой выразительности стремится “звукopiшущий” Владимир Зотчик. Ему нет еще двадцати лет. Пишет экспериментальные стихи, осваивая опыт Маяковского, Хлебникова, Северянина.

Наиболее самостоятельные вещи привлекают свежестью содержания, новизной формы, оригинальностью вербальных соединений.

Слово “новизна” применимо и к стихам 17-летней Валерии Лихачевой. Она не ведет специальных литературных изысков – ей от природы дана способность нетривиально мыслить и выражать мысли образно и ярко. Её поэтические строки, наполненные светом и цветом, можно назвать “флюоресцентными”. Она не принимает какой бы то ни было пустотности, серости, безжизненности. Её муза – это любовь к разноцветному, бессмертному миру. (“В разноцветные миры не по-сказочному верю”, – пишет поэтесса. И еще – характерно: “Я никогда не употребляю слово “смерть”). Может быть, это максимализм, свойственный юности, но хорошо, что он со знаком плюс, а не минус.

Самым же юным автором в этом сборнике является 16-летний Роман Дроздов, одиннадцатиклассник эстетической гимназии №32. Творческая смелость, подчеркнутая мужественность интонаций, четкое владение стихом импонируют нам в этом авторе. Ученический период

у него позади. Но важно правильно использовать резервы личности для дальнейшего развития.

В семинаре была и секция прозы. И в ходе ее работы подтвердилось то, о чем “Гренада” давно знает: у нас есть хорошие молодые прозаики.

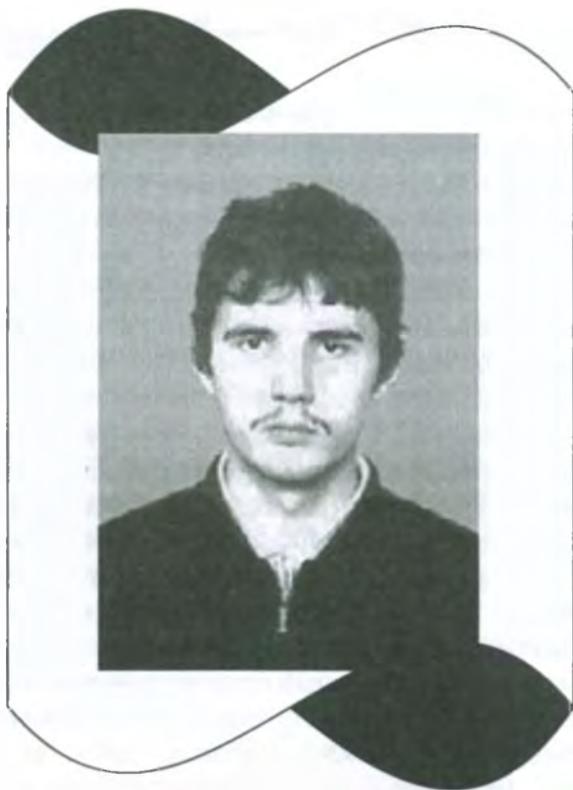
Гренадский стаж Дмитрия Хоботнева – 6 лет. Он пришел к нам с небольшими романтическими и фантастическими рассказами в духе Александра Грина и Рэя Брэдбери. Шесть лет работы над собой, над стилем, поиск “своего голоса”, постоянное общение с коллегами по перу, обсуждения написанного дали превосходный результат. Сейчас Дмитрий Хоботнев – состоявшийся прозаик, работающий в сложной интеллектуально-психологической манере. Он замечен писателями Кузбасса, благословлен на писательские труды замечательным прозаиком Владимиром Мазаевым.

Положительную оценку получили рассказы Евгения Беверса. Нелегкий жизненный опыт заставляет его браться за самые трудные темы, обращаться к самым острым проблемам времени. Он по-настоящему любит прозу, знает ее законы, чувствует ее возможности. Его рассказы и повести, в принципе, могут заинтересовать любого современного читателя – “и мудреца, и простеца”.

Обратил на себя внимание семинара и Виктор Коняев, начинающий автор, которому, видимо, предстоит немало потрудиться на поприще прозы.

В целом же, авторы сборника как бы приоткрыли дверь в будущее литературы нашего города и Кузбасса, “засветились”, обозначились на литературном горизонте. Будем надеяться, что их публикации найдут путь к читателю.

Любовь Никонова,
член Союза писателей России,
руководитель новокузнецкого городского
литературного объединения “Гренада”. Декабрь 2006

Александр Томский

Весне

В танце страстном, вычурном и нежном
Белизны, наверное, белей
Лепестки цветов с деревьев вешних
Облетали медленно с ветвей.

То снижаясь, то опять взлетая
С легким ветром наперегонки,
Белым снегом землю укрывая,
Опадали тихо лепестки.

Будто вьюга городу приснилась
И, забыв обычные дела,
Белым снегом в город возвратилась
И дорожки в парке замела.

И среди ее великолепия,
Улыбаясь неба синевой,
Облака ловило легкой сетью
Озерцо водицы дождевой.

И цветы от веток отрывались,
И кружась, летели свысока,
И на воду тихо опускались,
А казалось – прямо в облака.

Ангел

Черные крылья расправив упрямо,
Он в темноту восхождение ведет.
Небо всего лишь обычная яма,
И переходит в паденье полет.

Верх или низ – разобрать невозможно...
Небо забито сгустившейся мглой.
Ветер в ночи распекает тревожно,
Море вздымает волну за волной...

Черные скалы из моря пробились,
Волны пронзая упрямо и зло...
Скалы в оскале, как пасти, открылись,
Но не дано им настигнуть его...

Без колебаний находит дорогу
Он, поднимаясь знакомой тропой.

Тысячи лет от чужого порога
Он возвращается с новой душой.

Здесь, на Земле, он почти что всемогущ –
Кто потягался бы с ним из людей?
Но отчего так печально-бессильно
Огненный взгляд из-под темных бровей?

Тысячи лет без надежд на спасенье...
Стала проклятием участь его...
Небом даны и покой, и забвенье
Людям...Ему – не дано ничего...

Черные крылья раздвинув упрямо,
Он в темноту восхождения ведет...
Небо – всего лишь обычная яма,
И переходит в паденье полет...

* * *

Лет уснуть бы на пять,
Чтоб лежать и дышать
И мечтать о свершеньях
Грядущих...

В окруженье идей
И хороших людей
Вспоминая друзей
Самых лучших...

И желанный покой
За стеклянной трубой
Обрести на забытой
Планете...

Лет уснуть бы на пять.
Или на двадцать пять
Что изменится, право,
На свете?..

11 сентября

Под осенним чернеющим небом,
Не на площади – на пустыре,
Там, где ты никогда еще не был,
Ты склонился к холодной земле...

Пред тобою – и строгий, и ровный
Черный памятник – словно остов...
Фотографии в рамочках темных
С краткой надписью горестных слов...

У подножья - свечные огарки
И букеты увядших цветов.
И прощальные чьи-то подарки -
Словно тени несказанных слов...

И под небом дождливым, осенним,
Капель бег ощутив на щеке,
Ты подумал, что горе со всеми
Говорит на одном языке...

Возвращение

За прошедшую неделю
Изменилось все вокруг:
Незнакомки похудели,
Раскачался лучший друг...

Засияли снова крыши –
Заблестел на них металл...
Город чище стал, и выше,
И как будто больше стал.

Стало больше остановок,
Светофоров и ларьков,
Зазвучало больше новых,
Незнакомых языков...

С высоты исчезли тучи.
Не могу никак понять:
Может, город станет лучше,
Если чаще уезжать?..

* * *

Воздух в роще осенней
И сладок и прян,
Как вина дорогого букет.
И вдохнувший его
Будет весел и пьян
И теплом уходящим согрет...

Этот воздух плесну я
В высокий стакан
И вдохну аромат золотой,
И пойму, как о лете
Вздыхает бурьян,
Как летят облака чередой.

Как колышется тиной
Затянутый пруд,
Как с ветвей опадает листва

На поляне, где ландыши
В мае цветут,
Долгим сном засыпает трава...

Звуки, запахи, листья,
Как яркий ковер,
Прикрывают осеннюю стынь.
Но вплетается нитью
В волшебный узор
Аромат горьковатый – полынь...

Он придет и исчезнет,
Как синий туман,
Словно напоминанье о том,
Что веселье – пройдет,
Что веселье – обман,
Что печаль не покинет мой дом...

Лишь свернется клубочком,
Тихонько уснет
В самом дальнем и темном углу...
Ну и пусть - без нее
Будет праздник не тот.
По-другому я жить не могу.

Валерия Лихачёва

Играющий с Солнцем

На жаркий шар он скалит взор,
Пылает пышно грива.
Он – словно Солнца хитрый вор
Из дикого залива.

Его театр – дикий лес.
На царском он распутье.
Он, как и пятый знак небес, –
Свидетель солннопутья.

Он утром с бисерной росой
Спешит к фигуре жёлтой.
Огонь пылает полосой
Естественности гордой.

Как необузданный дикарь,
Он хищник самородный.
Он трёх стихий свирепый царь
С суровостью природной.

На нём тамга луча звезды,
Посланника светила.
В нём невозделанность воды
И неручная сила.

11 февраля 2005 г.

Заколдованные...

Ресницы чёрные таят слезу хрустальную.
От робости – искусственные.
Зачем ресницы проявили гордость триумфальную,
Как будто бы бесчувственные?

Зачем скрывают они искорку жемчужную,
Как будто нарисованные?
Зачем открыли для себя любовь ненужную?
Как будто заколдованные...

3 февраля 2005 г.

***

Я облако из белых роз
Найти хочу в лазурном небе,
Серебряных весенних рос
Сияющий жемчужный гребень.

Хочу я белую мечту
Найти под радугой хрустальной.
И белоснежную фату
Надену в комнате зеркальной.

Хочу я в белый океан
Нырнуть – и приплыву на льдине;
И стать белее, чем туман,
Нежней мифической богини.

Я буду белой, как пломбир,
С изюминкой в душе игривой-
И подыграет белый мир
Невесте сказочно-красивой.

7 марта 2005 г.

***

Она по ступенькам взойдёт на крыльцо,
Оранжевый свет излучая.
Невидимо в блеске созвездий лицо,
Лишь радость сквозит золотая!

Среди бальных платьев и пышных пучков
Она неземная принцесса
На паре высоких своих каблучков,
С живым ароматом из леса.

Томительно-сладкая дрожь у виска!
Кружение в ритме фламенко!..
Дорога до солнца уже так близка!
Воздушно-молочная пенка...

И вдруг навсегда отразится в глазах
Играющим светом рубина,
Запомнится песней в живых голосах
Волна, буря, солнце, лавина!

24-30 апреля 2005 г.

Рай

Я пришла из цветочного рая,
Где густой аромат орхидей.
От восторга я стала немая,
А душа моя - как соловей!

Я купалась в простых незабудках,
Лепестки ниспадали у ног.
В этих сказочных жизни минутках
Был красивый рифмованный слог.

В море роз я почти невесома,
Я кружилась в эфире цветов.
Мною сладкая правит истома,
Понимаю цветы я без слов.

Полюбила я гордость нарцисса
И пионов роскошных парад.
Осознала теперь: я актриса,
Раз попасть я смогла в этот сад.

2-3 марта 2005 г.

***

В горах, обшитых полосатым перламутром,
Нагретых шаром до кораллового сна,
Вставая нежным желтоватым утром,
В пещере с ветром просыпается весна.

В песке, летящем по ущельям словно птица,
Есть розовое зеркало ночной луны.
Оранжевые камни – вечная страница –
Зелёным дуновением травы пьяны.

В бордовой грязи вырастают сталагмиты,
Под сталактитовым дождём зонты раскрыв.
Все уголки утёса пламенем залиты,
Пещера фиолетовый таит обрыв.

В холодной голубой скале – камин
клубничный,
В нём солнце – апельсиновая пляшет свечка.
За тенью прячется ущелья вид безличный.
На плёнке древности из темноты – сердечко.

12-19 апреля 2005 г.

***

Телефонная связь со Вселенной
Открывает желаньям простор.
Уравнение с одной переменной
В измеренье седьмом – просто вздор.

Из сети мировых изречений
Выбирается рыбка-заря,
Средь космических новых течений,
Словно парусник, ловко паря.

По сигналам с планеты Юпитер
Зажигается мозг корабля.
По канату, по тросу, по нити
Проберусь в неземные моря.
30 апреля 2005 г.

***

Гроза сквозь дым, срывая тучи,
Сметает, режет тёмный лес.
И дождь, свою почуя участь,
На землю пал из-под небес.

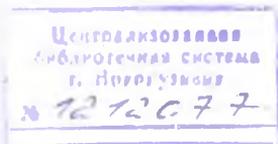
Немые капли с кодом бомбы
Взрывают каждый чёрный лист,
Рисуя там квадраты, ромбы
И колдовской танцуя твист.

Со злобой разыгрался ливень,
Ориентиров контур смыл.
Из космоса гигантский бивень
Толкает чёрный шар в обрыв.

А солнце растопило тучи
И заглушило долгий гром,
Оставив в мире только лучший,
Открытый, белый, чистый дом.
25 июня 2005 г.

***

Освободилась от дорог,
От пыли тяжкой, сказки скучной.

Ступила к солнцу на порог
С жар-птицы песней благозвучной.

Околдовала свет дождя,
Невидимый, слегка прозрачный.
Мне по-другому и нельзя, –
Ведь твой ответ неоднозначный.

Кружил последний в мае снег,
Ослеп туман в молочной дымке,
Зелёный пёс набрёл на след
Той заблудившейся снежинки.

2 января 2006 г.

***

Что-то чудное грядёт!..
В устье красочное летом
Влился сладковатый лёд,
Таял он в сиропе этом.

Красно-синий горизонт
Увенчался звёздной пылью.
Распустился моря зонт,
Чуть припудренный ванилью.
Ветвь черёмухи лесной
Окунулась в тюбик краски, –
Приукрасилась весной,
Побывав в гостях у сказки.

Стёкла капель голубых
С энергетикой планеты
Из безоблачно немых
В синие теперь одеты.

Преломился горизонт:
Виден свет Вселенной дальней.
Если верить в этот сон,
Счастье будет всё реальней.

1-4 июня 2005 г.

***

На высоте орлиного полёта
Кружила стая маленьких синиц.
Под тяжестью величия и гнёта
Сочились слёзы из-под их ресниц.

Они малы для взрослых состязаний,
И настоящий старт у них вдали,
Но не откажутся от страстных притязаний
Ослабить притяжение земли.

Быть может, здесь законы очень строги...
Но слёзы боли капают опять.
Пока они для ветра недотроги.
Пока они лишь учатся летать.

5-20 августа 2005 г.

***

Проткнула облако иглой,
Отмерила два метра неба.
Зачем портнихе пожилой
Небожитейская потреба?

Земной она забыла сан,
И не учла она натуру:
Надет прозрачный сарафан
На непрозрачную фигуру.

***

Не смей свой взор направить вверх,
Когда, покорный и желанный,
Во власти сладостных утех
Ты искуситель окаянный.

Не подведи судьбу свою
Немому облаку изменой,
Разбавь застывшую струю
Кипящей огненной пеной.

2 марта 2006 г.

***

Два облака, как две волны,
Нахлынули внезапно.
И эта жизнь уже не сны-
Всё просто поэтапно.

Любовью солнце ослепят,
Нагреют до предела.
Навстречу вместе полетят
Космических два тела.

И нежные пары воды
Сомкнутся в атмосфере-
И чувств бушующих гряды
Прорвутся в полной мере.

4 марта 2005 г.

Евгения Короткевич

***

Гармония света. Познание. Тайна.
Иллюзия мира необычайна.
Отверстия в небе. Сети каналов
Покрыли пространство земных океанов.
Рисую словами законы Вселенной,

Мы верим, что жизнь протекает по венам
И смертью уходит волной в океан
Живительных вод для других идеалов.
В порогах времён мы сбиваемся с цели,
При слабом теченье садимся на мели
И ждем наводнения – выглыть скорей,
Но медленно тонем под толщей идей.

Иллюзия мира на правду похожа,
Законами дышит и выглядит сложно,
Увешана дымкою тайны творенья,
Заложница снов и мечты дуновенья.
В усладе забав только кажется светом,
А вылезет тенью, силуэтом нелепым.
Но есть и за гранью нелепости что-то,
Что может быть частью вселенского грота,
А может, и вовсе стержнем творенья.

Гармония света, возможно, виденье,
Всего лишь мираж или гения сага.
Но поит мираж живительной влагой
Скопление надежд на великое чудо.
И меркнет пред ним материи груды.
28.12.05

***

Я скрою невинные шалости тока
Под маской холодного айсберга снов.
И в теплом теченье стального потока
Достигну украдкой твоих берегов.

Проникну сквозь занавес желтых туманов,
Как ловкий шпион, незаметно войду

И в скопище света и злого обмана
Я храброе сердце твое украду.

Среди обжигающей в танце свободы
Хочу быть рабыней твоих берегов,
Где любящих глаз небесные своды
Согреют меня в объятьях лугов.

Раздую невинные шалости тока
В стихийный пожар, обжигающий все,
Где в мыслях и в чувствах стального потока
Стучит обнаженное сердце твое!

15.08.06

***

Как птица в клетке, я хочу свободой дышать.
И, утопая в бездне слов, поет моя душа.

Пусть я в плену холодных стен,
Я жду от жизни перемен,
Что навсегда разрубят цепь оков моих.

Я на земле, едва дыша, мечтаю ввысь лететь скорей,
Но крылья сломаны людьми – ударами плетей.

Пусть я в плену холодных стен,
Я жду от жизни перемен,
Как только крылья заживут, взлечу на них.

Я превращаюсь в лёгкий пух для этого мирка
И отрываюсь от земли на крыльях ветерка.

Пусть я в плену холодных стен,
Я жду от жизни перемен,
Я жду, когда сон станет явью для меня.

Всё утопает в мире грёз, в глазах свободы даль.
Но, вместо голубых небес, опять одна печаль.

Я в окруженье серых стен...

Но все равно прорву их плен

И погрузусь в бескрайность золотого дня!

04.09.05.

***

ЛЮБИМОМУ *посвящаю*

Когда этот мир покидает день,
Я смотрю в тёмное небо
С пылающими звездами,
И мне хочется жить!

Когда этот мир покидает ночь,
Я утопаю в красках восхода
Горящего Солнца,
И мне хочется жить!

Когда я слышу, как поют
Птицы и шелестит листва,
Мне хочется жить!

Когда я смотрю в *твои* глаза,
Чувствую *твое* дыхание
И слышу стук *твоего* сердца,
Я хочу жить ВЕЧНО!

26.07.05.

Максим Шулаков

***

Мы сидели лицом к лицу:
Я и небо, нежное очень.
Подходила беседа к концу,
Так как близилось время к ночи.

Ветер легкий донёс слова:
«Мне пора! И помни, что часто
Будет жёсткой казаться трава,
Но и это нужно отчасти!..»

Дальше всё тишина да ночь.
Все ко сну готовятся ровно.
Ухожу отсюда я прочь,
Туче быстрой, тёмной подобно.

Белая лирика

Будто из лёгкого облака
Мягкая кожа её.
Золотом пламенным сотканы
Волосы девушки той.
Жемчуг в глазах – как сокровище,
Манит своей глубиной.
Яркая, яркая молодость
Мой будоражит покой.

* * *

Я вышел спокойно из дому:
Хотел погулять по улицам,
Поклоняться месяцу сизому,
Подумать о том, что не сбудется;

Вдохнуть тишину весеннюю,
На небо взглянуть туманное,
Сказать про себя, что пение
Весною всегда желанное,

Что, словно изжитое правило,
Наш сон создаёт угнетение,
Что холодность наша растаяла
От тёплых лучей пробуждения.

И вот я шагаю медленно,
Вдыхаю весенние запахи.
Я знаю, что это временно,
Как временны ветры с запада.

Наталия Истомина

***

Растащили
Большую Медведицу
По кусочкам,
По звездочке
В стороны!
Мир не рухнул...
В душе гололедица,
По-особому
Каркают вороны.

Растащили,
Разбили, распродали,
Разбомбили и разукрасили.
По звезде,
По обломку
По улицам
Раскидали,
Витрины украсили...
Закричу!
Только разве изменится
На душе моей гололедица?

***

Каждое слово,
Высеченное на камне,
Каждая буква
Огненным знаком
Вспыхивают на небе
Молочно-черничном...
Бывают же чудеса!
Хранительница
Неисповедимых путей,
Шарообразная,
Ярко-оранжевая,
Возможно,
Когда-нибудь
Заметит и мой
Ускользящий след.

***

Я заболела неизведанной
Иллюзией, никем не понятой:
Как кисти рук сложились в бабочку,

Вспорхнули, белые, по бархату,
По бирюзовому и чёрному.
И звёзды люреksom серебряным,
И солнце, золотом расшитое,
И руки крылышками тянутся,
Заметны дрожь и трепетание...
Что делать с белыми по чёрному?
Со слабыми по бирюзовому?
Реальней памяти иллюзия...
Я заболела неизведанной...

* * *

Год уходит!
Жаль мгновений сказки.
Положу в котомку
Шаль цветную,
Новогодние причудливые маски,
Фотографию твою большую.
Год уходит!
Следом не помчишься...
Унесу с избытком впечатленья!
В прошлом счастье,
И не докричишься...
В будущем – холодное прозреньё.
Год уходит!
Я раздам при встрече
Каждому прохожему по маске.
И останутся в котомке свечи,
Фото, письма и мгновенья ласки.
Год уходит!
Зеркало поставлю,
Пламя нервно тенью заиграет.
Превращаю фото в пепел. Сказка
Чуть потрескивая, умирает...

Елизавета Речкунова

На литургии

Печальны лики, голоса тревожны,
И свет свечей колышется едва.
Часы бегут быстрее, чем возможно,
И от кадил в тумане голова.
И тоны камертон, дрожа, выводит.
И век поднять нет сил из-под грехов.

Ступени, по которым Дух нисходит,
Ты в трепетанье целовать готов.
Врата в алтарь, духовные-земные,
Печальны лица, голоса тихи.
Ведь это же не суд, а литургия,
Здесь благодать царит, а не грехи.

* * *

Мне сон приснился странный:
В пустынной тишине
Бреду сквозь мрак туманный
Куда-то вслед весне.
Не торопясь, тропою
С горы спускаюсь вниз,
И прямо предо мною
Вдруг колокол повис.
И я шнура касаюсь,
И звук летит, клубясь,
То ширясь, то сжимаясь,
То ноя, то смеясь.
И я терпеть не в силах.
Вина моя ясна –
Я что-то разбудила,
Что слышать не должна.

* * *

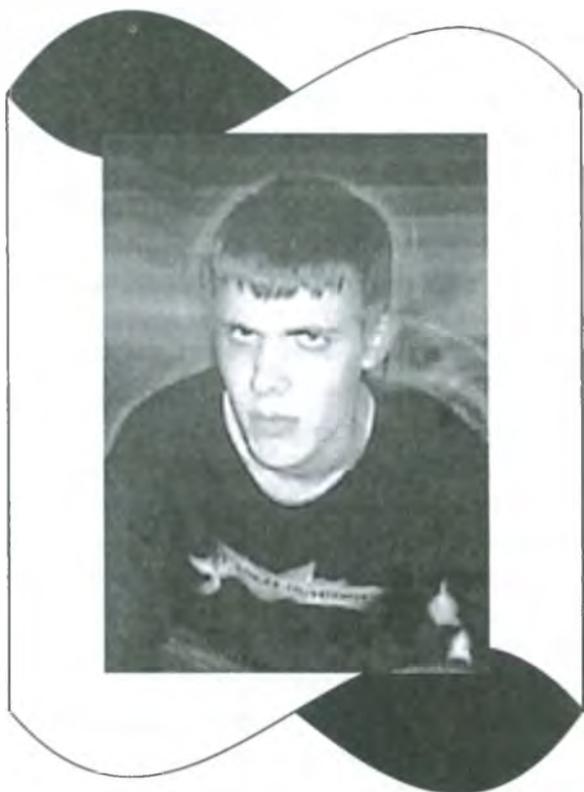
Давно я уже не считаю
Обветренных временем ран,
Но все еще страстно мечтаю
Однажды войти в Иордан.
Упали бы сети бессилья

В свяшенно шумящий поток,
Затрепетали бы крылья
И понесли на восток.
Крикнуть бы мне, чтоб стены
Сердце рассыпались в прах.
Чтоб возрождение веры
Не обратилось в крах.
Чтоб все глаза устремились
К далекой и нежной звезде
И добрые знаки явились
На многострадальной земле.

* * *

Веют сказки над равниной
О какой-то темной битве
В звуках древности былинной,
В ветра горестной молитве.
Я иду по пояс в прошлом,
В шепоте травы шумящем.
Голос Нестора, быть может,
Был таким же шелестящим.
Как-то странно слышать вечность
В ветре, у висков поющем,
И, вдыхая бесконечность,
Поглядеть в глаза грядущим.

Владимир Зотчик

А помнишь

А помнишь, как пруд, околдованный в осень,
нам отразил свет звезд
и как на воде желтогорбая проседь
на много лежала верст?
Ты помнишь, как вечер взгорал пред нами –
и вечен нам был закат?
Как вдаль уходящее бурое знамя

слетало в долину спать?
Как грот краской сумрачной тайно обнял –
похожий на чудный сон,
а в небе, воздушный, слеплен из облак,
для нас возвышался слон?
Как, помнишь, чарующим звукам предан,
шептал о любви нам лес?
И как, вдохновенный, в минуты бреда
в руках я жемчужину нес?

Надоело!

Надоело! Наваяло рельсами
сонное день-день.
Стойте вы! Это слишком.
Неужели никто, только я один
живу еще в этой электричке?
Я не верю – за окном капли – горошины
буравят призрачные каналы.
Что же это, где все ваше хорошее,
в самом деле, что вас доконало?
Зачем спите, когда, напротив,
открыв кричало,
(пускай это зрелище и комическое)
Надо крикнуть чтоб грохотало и рычало)
Всему космическому.
Чтоб россыпи звезд,
воедино собрав жир,
мерцали в ночи алым личиком.
И чтоб потом никогда ни один пассажир
не спал скучающе в электричке.

2005

Обычный день зимы

Затуманена синь вечеряющих улиц
мостовая из камня блик заката из роз
солнце катится вниз безнадежно сутулясь
люди спешно идут пряча в варежку нос
На отложье у пруда заискрились на льдине
мириады снежинок весь из пуха платок
пруд застыл отпуская крик в дали лебединый
а по небу из молний соткан искорок ток
Вечерами у пруда мир играет единый
и над этим я вижу сотни радостных лиц
где- то лают собаки верно дикие динго –
верно жизнь – то разыгранный
приз.

Осень взор утихомирила молчаньем

Осень взор утихомирила молчаньем,
Поостыла пламенем душа,
И последним отблеском прощанья
Опадает эросом листва.
Бронзой тихо опускается под ноги,
Подчиняясь власти куполов,
И, летая мерно, слово боги,
Пробуждает жгучую любовь.

2000 г.

Роман Дроздов

Две стихии

Огонь кричит, огонь пылает,
Он греет землю, топит лёд,
И совершенно не поймёт –
Кого след собственный пугает?
Дразнимый воздухом порой,

Он ещё пуще расцветает!
Так пусть же станет он золой,
Он и тогда не угасает.
Огонь кричит! Огонь пылает!
И светит ночью, светит днём,
Но что же станется с огнём,
Который воду повстречает?..

...Вода спокойна и умна,
Размеренна, нетороплива,
Она надменна и нежна,
По-своему всегда красива.
Когда сердита, то бурлит:
Не подходи к ней в это время!
Когда спокойна, то молчит
И думает про это бремя:
Не любит больше никого,
Кто дорог был когда-то,
А виноват во всём – огонь,
Она не виновата...

Любовь

Любовь моя – неверная подруга:
Зовёт к себе и думает сбежать.
И за собой ведёт меня по кругу –
Приятно ей надежды унижать.

Любовь моя – забытая поэма:
Выходит в свет ничтожным тиражом.
Забывать или нет? – извечная дилемма.
Её игрой я просто поражён.

Любовь моя – уснувшая богиня:
Ей надоели Вечность и Эдем.
В её душе огонь страстей остынет,
Она уйдёт подальше от проблем.

Любовь моя – расстроенная скрипка:
Лишь лязг и стон я слышу от неё.
В один момент исчезла та улыбка,
И я сказал, что это не моё.

Любовь моя – пропитанная ядом
Стрела надежд: пронзает сердце мне.
Что ж, буду жить – её не будет рядом,
А сердце я согрею на огне.

Я улыбнусь

Я улыбнусь –
Ты просто не ответишь,
Я поклонюсь –
Ты скажешь: «Не беда».
Я рассмеюсь –
Ты лишь тогда заметишь,
Что я боюсь
Исчезнуть навсегда.

Я расскажу
Тебе о самом главном.
Я завожу
Интимный разговор,
Я провожу
Тебя. Всё будет славно!
Я уйду
До некоторых пор.

Живи, играй
На сцене аферисток!
Ты только знай,
Что я живу один...
И почитай
Своих сестёр – артисток.
Не забывай
Сюжеты тех картин.

Июньский жар
Меня накроет пледом.
На твой загар
Не устаю смотреть.
Какой кошмар!
Пошёл за кем-то следом –
Число всех пар
Уменьшилось на треть!

Я отвернусь –
Ты скажешь мне: «Не надо!»
Я поднимусь
Повыше, так и знай!
Я тороплюсь
К дряхлеющему саду.
Я улыбнусь –
Ты скажешь мне: «Прощай!»

О Судьбе-матушке

Внезапным ударом сбивая с дороги,
Летит, нарезая круги.
Несётся над папертью, грязные боги
Кричат ей: «Ты нам помоги!»
И платят так щедро, что, кажется, горы

Монет золотых заберёт.
На праведных льются потоки позора,
Забвеньё от них ускользнёт.
Мы ищем, кого же винить в этой каре?
Живём, наслаждаясь игрой.
Так что же наш мир так отчётливо старит?
Наверно, смертельный покой...

Мы – русские люди, нам нужно держаться –
Иначе исчезнем за миг.
Стоять, защищаясь... стоять, не сдаваться!
Наш разум и так уж поник.
Пробиться к единству, ломая преграды,
Что ставят враги на пути!
Не слушая сплетен, получим награду:
Свободу так просто найти.
Для этого нужен глоток чистой веры
В забытого нынче Христа;
Забыли о Боге на фоне карьеры –
Проблема всё так же проста.
Как после концерта, расходится зритель
К своим неотложным делам,
Спешат люди в масках в мирскую обитель –
И лёд прижимают ко лбам...
Забудут спектакль – зачем им актёры,
У них масок много своих.
Важнее сейчас им семейные ссоры
И столик в кафе на двоих.
А эхо так долго по залу летело:
«Посыплются с неба гроши!
Страшнее, чем кладбище русского тела,
Лишь кладбище русской души!»

Catharsis

Свет течет неугасимый,
Плавит воздух, рушит мрак.
Свет святой небесной силы
Подает всевластью знак.

Дух, воспрянув от нападок,
Верной поступью пройдя
По земле, навёл порядок,
Страшный суд на нет сведя.

Сколько было страшной боли?!
Сколько было вещей снов?!
Я устал сидеть в неволе! –
Принцип мой теперь таков.

Дал мне Свет свою наводку:
«Нужно быть другим, поэт!»
Слёзы... боль сжимает глотку,
Но сумел я дать ответ.

Скинув маску отчуждений,
Вышел чистым из интриг.
Я пока ещё не гений,
Но хочу им стать на миг...

Лечит Свет больные души...
Грянет битва, только честь
Выйдет в мир под залпы пушек –
И погибнут Зло и Мечь.

Людмила Павлиди

Старик

Сидит на асфальте
старик без ноги.
Дырявая шляпа,
печали круги.

Он просит прохожих,
чтоб ради Христа
Подали на хлебушек
для старика.

А мимо собратья
по крови спешат
И прячут в себя
безразличия взгляд.

А мир наш богатством
идеи велик...
Сидит на асфальте
безногий старик.

Мама

Ты плачешь над кроваткой,
А я еще не сплю.
Я приоткрою глазки
И нежно обниму.

Родная, успокойся,
Доверимся врачу,
Что утром встану с койки,
Как зайчик, поскачу.

Ты улыбнись, родная,
Я радости хочу,
Мы завтра погуляем,
Цветов нарвем врачу.

И будут в нашем мире
И солнце, и дожди.
И буду я здорова,
Ты только подожди.

Не нужно плакать, мама,
Любовь всего сильнее.
У нас с тобой так много
Счастливых, светлых дней!

***

Живите, люди, проще!
Познайте радость бытия!
Не плачьте, что карман ваш тощий.
Любите жизнь и радуйтесь, как я!

***

Сегодня, мама, мы с тобою вместе
Украшим вечер пасмурный свечой.
Прижмусь к тебе,
Свернусь клубочком в кресле,
Уткнусь лицом в родимое плечо.
А помнишь наше время золотое
И наш родной, теперь далекий, край,
Где бегала с утра в траве босою,
И пес лохматый руки мне лизал.
И счастье беспричинное такое
Меня переполняло, вдаль маня.
И лился смех мой бурною рекою...
Я счастлива, что есть ты у меня.

Дельфиненок

Синее небо
Глядит в океан,
Гордых дельфинов
Плывет караван.

Беды не предвидится,
Небо поет.
Огромный корабль
Навстречу идет.

Вдруг: “Сети за борт!” –
Кричит капитан.
И старт неизвестности
Голосом дан.

Вот в трюм запихнули
Малютку дельфина,
И в цирк продадут
Несмышленного сына.

А мать малыша
Устремилась вперед:
- Ты сына верни мне,
Палач-пароход!

И сердце от боли
Сжималось в груди:
– Малыш, я с тобою,
Меня подожди!

Увы, не спасти ей
Уже малыша.
На берег скользнула
Дельфина душа.

И камнем застыла
Дельфиниха мать.
Ну, разве так можно –
Детей отнимать?!

***

От ветра листики дрожали
И капли дождика играли.
От нежной радости цветка
Заплачу я наверняка!

Дмитрий Хоботнев

Зал ожидания

Пружина неприятно кольнула бок, и я открыл глаза. Давно не белённый потолок укоризненно висел над диваном. За матовым стеклом плафонов виднелись лежащие в пыли тела насекомых. Какая-то тварь с длинным раздвоенным хвостом еще шевелилась. Я смотрел на нее, пока она не затихла, потом сел, потирая бок... За окном было темно и сыро. На табурете у дивана стоял остывший чай. Я выпил

его большими глотками, и меня передернуло от терпкой горечи. Все равно не уснуть. Да и к чему спать? В тысячный раз подумал, что надо бы купить новый диван, понимая, что ничего покупать не стану, как не стану белить потолок и очищать от мертвых тел плафоны: мне это ни к чему, насекомым и подавно. Тварь с раздвоенным хвостом снова пошевелилась в пыли. До полуночи было далеко, да утра вечность. Надо как-то пережить эту вечность. Вышел на балкон. Мокрый, пронизывающий ветер блуждал в темноте. Горюливо выкурил сигарету. Красная звезда сверкнула и погасла внизу, на траве. Вернулся в комнату. Тварь, похоже, умерла. Я снова ощутил едкое одиночество. Подошел к стрывному календарю, висящему под настенными часами. Вырвал страницу и, скомкав, сжег ее в большой металлической пепельнице. Мне хотелось сократить этот день, день моего рождения.

В холодильнике стояла бутылка коньяка. Ее под жидкие аглодисменты сослуживцев вручили мне минувшим утром. Быть может коньяк поможет уснуть. Благо завтра не на работу. Выпил полчайного стакана. Отвратительный вкус. Впрочем, чего ожидать. Выкурил еще сигарету. Ветер не унимался, но стало теплее, должно быть, от выпитого.

Письмо так и не пришло. Нелепо, конечно, но я ждал его. Два ряда обшарпанных стальных ящиков между первым и вторым этажами. Я и здесь преуспел. Самый обшарпанный, да и, к тому же, помятый ящик, конечно же, мой. Иногда в него кладут бесплатные газеты, иногда извещения о задолженностях.

Выпил еще полстакана жидкости чайного цвета. Где они раздобыли такую гадость? Какое-то тоскливое тепло окутало тело. Ветер, блуждающий в темноте, уже не казался пронизывающим. Пять лет назад тоже дул ветер: хлесткий и колючий. Люди, шедшие за гробом, прятали лица и дышали

на озябшие пальцы. Тяжелое набухшее небо висело так низко, что хотелось пригнуть голову.

Никто не плакал. Моему деду было за восемьдесят. К чему слезы? Все в порядке вещей. Единственным, кого не устраивал такой порядок, был дед. Ему очень не хотелось умирать, но это не столь важно. Когда он все-таки умер, я остался наедине с давно не белённым потолком, мертвыми насекомыми и собственной жизнью, которая казалась безобразно длинной и тусклой. Жилистая фигура деда, его вечное скептическое бурчание по любому поводу утомляли, но утомление, по крайней мере, позволяло спать по ночам.

У меня, правда, оставалась куча двоюродных и бог знает каких еще дядюшек, тетушек, бабушек и племянников, но все они жили за тридевять земель и о своем существовании напоминали раз в год, присылая деду на день рождения шаблонные телеграммы. Дед эти телеграммы никогда не читал, но, впрочем, и не выбрасывал, аккуратно складывая в ящик допотопного комода. Однажды мы даже ездили к ним в гости, но это было так давно, что не имело никакого значения.

Сперва мне не хотелось звать всю эту малознакомую шайку на похороны, однако, поразмыслив, я решил, что моя одинокая фигура на фоне гроба будет смотреться нелепо и жалко, к тому же, я убежден, что, не получив извещения о смерти, они и через сто лет продолжали бы слать эти дурацкие телеграммы, желая покойному счастья, здоровья и долгих лет жизни.

К моему облегчению, большая часть приглашенных предпочла отделаться все теми же телеграммами, из каких я узнал, как мне глубочайше сочувствуют и сожалеют, что не имеют возможности быть со мною в эту тяжелую минуту. Не будучи столь щепетильным, как дед, я отправил всю эту дребедень в мешок для мусора.

Гости прибыли в день похорон. На вокзал я не поехал – некому было сидеть у гроба, да, к тому же, погода выдалась мерзкая.

Я сидел, глядя на суровое лицо деда и прикидывал где разместить всю эту компанию. Я надеялся, что дольше, чем на одну ночь, они не задержатся. Меня они едва знали и никаких оснований докучать своим присутствием не имели.

Было ужасно скучно. Заходили соседи, очевидно, из любопытства. Дед никогда не отличался общительностью, а его неиссякаемое бурчание могло кого угодно свести с ума. Соседи приносили соболезнования, да так и унесли их с собой, осознав, что мне они нужны не больше, чем деду.

До похорон оставалось три часа, родственники где-то заблудились. Чтобы не уснуть, я включил телевизор. Известный юморист читал свои вирши, зрительный зал покатывался со смеху. На душе сделалось веселее. Мне показалось, что даже дед едва заметно улыбается в гробу.

Стучали, должно быть, не один раз, наверное, вообразили, что звук электрического звонка каким-то образом оскорбит память усопшего.

Было их чуть больше десятка, примерно поровну мужчин и женщин.

Никого из них я не помнил, но оказалось, что меня почти все помнят прекрасно еще с вот таких пор, впрочем, мне это было безразлично.

Они обнимали меня и призывали не падать духом, хотя я и не думал об этом.

Помнится, они едва не попадали, когда из зала, где стоял гроб, раздался истерический хохот, а потом бросали на меня осуждающие взгляды, словно телевизор был одним из семи смертных грехов.

Правда, особых угрызений совести я не испытал, в конце концов, кто как не я все эти годы выслушивал нескончаемое дедовское бурчание?

Очередная порция коньяка. Вкус исчез: так, что-то холодное, жгучее.

На балкон не пошел. Дым растекался по комнате, наполненная алкоголем кровь мягко стучала в висках.

Гости расселись вокруг гроба и долго молчали, созерцая восковое лицо. Потом завязалась тихая благочестивая беседа: вспоминали былое, перечисляли заслуги усопшего, о которых я и слыхом не слыхивал, считая единственной заслугой деда его любовь ко сну, во время которого уши окружающих отдыхали и набирались сил для нового пробуждения. Со мною гости вели себя подчеркнуто сдержанно и разговаривали мало, по-видимому, из-за телевизора, и это мне очень нравилось, так как участвовать в конкурсе «кто лучше похвалит покойника» не было ни малейшего желания. Было одно желание, чтобы все поскорее закончилось и они убрались восвояси.

Время ползло с убийственной медлительностью. От скуки я начал украдкой разглядывать их лица.

Должно быть, из-за того, что все женщины были в одинаковых черных платках, я не обратил на нее внимание сразу. Она была едва ли старше меня и знала деда, в лучшем случае, по фотографиям. Озадаченно ее рассматривая, я размышлял, каким образом она могла затесаться в эту компанию динозавров. Впрочем, мой интерес быстро угас, потому что как ни старался, я не сумел разглядеть в ее облике даже намек на привлекательность.

Наконец за окном послышалось долгожданное урчание, и к дому подкатила крытая тентом трехтонка: наш скромный катафалк.

Гроб оказался на удивление легким, в отличие от дороги на кладбище. Всю дорогу мы отчаянно мерзли, сидя на скамеечках, оборудованных вдоль бортов грузовика. К тому же, кузов сильнейшим образом подбрасывало на ухабах. Осуждающие взгляды вопрошали, почему я не заказал

автобус для дорогих гостей, и от этого становилось немного веселее. Я вспоминал все эти idiotские телеграммы, которые дед год за годом складывал в ящик комода, не читая, и мне вновь почудилось, что я вижу едва заметную улыбку на холодном лице.

На середине пути я вдруг почувствовал, как кто-то прижался ко мне. Сидели мы тесно, но это движение было преднамеренным, тут я не мог ошибиться. Под тентом было достаточно сумеречно, и никто этого не заметил. Я слегка повернул голову и, увидев, как ее губы посерели от холода, подумал, что она-то уж точно не участвовала в составлении телеграмм. И я не отстранил ее, хотя в сумерках она показалась мне еще более непривлекательной.

Я достал из шкафа тяжелый фотоальбом и лег на диван, стараясь не задевать выпирающую пружину. Курил, равнодушно перелистывая пахнущие временем страницы. Часовая и минутная стрелка наконец встретились. Пепел от сожженной страницы обрел исторический статус, но ничего не изменилось. Хотелось встать и вырывать, вырывать, вырывать один за другим эти маленькие листки бумаги и жечь их. Это было глупое желание, и оно быстро прошло. Сожги я хоть двадцать календарей – волосы от этого не поседеют. Открыл последнюю страницу. Достал единственную фотографию, на которой была она. За окном стучало. Снова пошел дождь. Не люблю осень, впрочем, зиму, весну и лето тоже. Сигарет осталось мало, это плохо – если не усну, придется идти, а за окном стучит. Долго, задумчиво смотрел на снимок. Неловко повернулся и угодил на пружину. Как тут уснешь?

Поминальный обед я заказал в небольшой столовой недалеко от дома. Автобус дождался нас на кладбище. Могильщики опирались на измазанные глиной лопаты и лениво курили, сплевывая в свежевырытую яму. Расположенное на вершине небольшого холма кладбище

было открыто всем ветрам, и фургон показался не таким уж холодным.

Гроб поспешно засыпали землей и, выпив понемногу, поехали в столовую. В автобусе было тепло, но лица у родственников сохраняли хмурое осуждающее выражение. Она сидела где-то за моей спиной, и мне почему-то всю дорогу хотелось обернуться.

Поминальный обед прошел тихо и без суеты. От горячей еды и водки родственники немного подобрали, во мне же, напротив, проснулось скверное настроение. Я представлял грядущую ночь и дюжину тел, лежащих вповалку на полу моей маленькой квартиры.

Разговора о ночлеге пока не заходило, но я знал, что их поезд завтра в третьем часу дня и пойти им некуда. Было бы полбеда, если они просто уснули бы, а рано утром тихо и незаметно исчезли, но мной отчего-то овладело тяжелое предчувствие, что намечается что-то вроде ночи памяти с водкой и задушевыми беседами, в которых мне припомнят и телевизор, и подпрыгивающую на ухабах холодную трехтонку, и блуждание по городу оттого, что на вокзале их никто не встретил. В принципе, я никогда не верил предчувствиям, но это вовсе не успокаивало.

Момент истины настал, когда мы вышли на улицу. До дома было десять минут неспешной ходьбы, и я закурил, собираясь с мыслями и всем своим видом давая знать, что, покуда тлеет табак, никто никуда не пойдет. Ветер, наполненный мельчайшими ледяными брызгами, метался между домами, ускоряя сгорание сигареты. Я бросил окуроч в стальную пасть урны и предложил то, что и без того подразумевалось – скоротать ночь под моей скромной крышей. Как и требовал глупый этикет, родственники стали вяло возражать, говоря, что не желают доставлять лишние неудобства и отлично переночуют на вокзале. Напрасно они искушали судьбу своей никому не нужной вежливостью. Я

закурил новую сигарету и спокойно оборвал последние нити, протянутые между нами. Не помню дословно той фразы, непонятное злорадство помешало памяти, что-то наподобие «не хотите, как хотите». Пока они раздумывали над этой акустической галлюцинацией, я успел несколько раз затянуться. Моих дальнейших объяснений, как быстрее и комфортнее добраться до вокзала, они, вероятно, не слышали. Я вежливо выразил надежду свидеться когда-нибудь, и, не выказав желаний обняться или хотя бы пожать на прощание руки, быстро развернулся и зашагал по улице, торопясь уйти от этих осязаемых взглядов, в которых была отнюдь не ненависть, а какое-то безграничное, почти что детское удивление.

Я шел окружным путем, не думая о холоде. Мне нравился мой поступок, хотя я не считал, что он правильный. Купил в магазине большую бутылку водки и сигареты.

Я захлопнул альбом и встал. Вылил остатки коньяка в стакан. Получилось почти до краев. Отпил половину и включил телевизор. Ничего интересного не было, но были голоса. Я был пьян, но каким-то агрессивным опьянением, отторгающим сон.

Она стояла возле магазина, съезжившись от холода. В тех местах, откуда они все приехали, осень намного теплее и пальто было совсем тонкое.

Она подошла ко мне и попросила сигарету. Мне понравился голос. Мы закурили. Не дожидаясь вопросов, она сказала, что ее поезд послезавтра. «Почему?» - спросил я, но не словом, а взглядом. «Еще раз ехать с ними?» - как и я, взглядом спросила она. Глаза у нее были серые, впрочем, в тот миг серым было все. И еще я заметил с удовлетворением, что она одного роста со мною.

Я молча взял ее за руку, и мы пошли домой, безразличные к ветру. «Еще раз ехать с ними?». Этот неозвученный ответ

крутился у меня в голове, и я импульсивно сжимал ее ладонь, не замечая, как низко над нами страшное лохматое небо.

В квартире все еще стоял странный запах и два табурета посреди зала. Я открыл форточку и унес табуреты в кухню. Она сняла пальто и этот отвратительный черный платок. Я посмотрел на ее темные коротко стриженные волосы и подумал, что с длинными ей было бы лучше. Парадоксально, но она нравилась мне тем больше, чем сильнее я убеждался в ее непривлекательности. Слегка асимметричное лицо, рот слишком велик, не отличающаяся округлостью форм фигура, какая-то дисгармония в частностях, но необъяснимая гармония в целостности.

Она не стала спрашивать позволения принять ванну, просто включила воду и попросила дать ей что-нибудь из одежды. Мне нравилась эта уверенность. Я дал ей свой старый халат, подумав, что он будет как раз впору, и не спрашивая, будет ли она пить, пошел за рюмками и закуской.

Никогда бы не подумал, что похороны способны так поднять настроение.

Мы сидели на скрипучем диване, пили, ели, курили, смотрели телевизор и громко смеялись, представляя лица родственников, сидящих в пластиковых креслах зала ожидания. Веселое изумление вызвал тот факт, что она является мне, в сущности, тетей, хотя и младше меня на целых два года. Она рассказала, как ехала больше суток в поезде в окружении веселой родни и как по прибытии сюда первым делом поменяла билет, решив, что слово «одиночество» не всегда имеет отрицательное значение. Я рассказал ей, как едва не уснул, сидя у гроба, и как впал в отчаянье, представляя родню, жизнерадостно храпящую посреди зала. Она смеялась, я смеялся, и жечь календарные листы не было надобности – время горело само, точно пламя автогена, в котором плавилось ощущение реальности.

Вечер, ночь, глубокая ночь, вой настырного ветра, жалующегося на свое бессилие. В квартире был только один диван. Раскладушку, на которой спал дед, я отнес на помойку, как только в больнице сказали, что шансов уже нет.

Будучи воспитанным человеком, я уступил диван даме, и она с благодарностью приняла эту жертву. Впрочем, спать на полу никому той ночью не довелось – все спали на диване, причем стадия сна наступила не скоро.

Никогда я еще не просыпался так поздно. Она лежала рядом со мной во всей своей гармоничной непривлекательности, и я думал, что это отличная замена вечно ворчащему деду.

Я допил остатки коньяка. Оставалось всего две сигареты, не считая той, которая дымилась в пальцах.

Я смотрел на снимок. Мы сфотографировались днем, когда гуляли по городу. Зайти в фотоателье предложила она. Снимок получился не совсем удачный – освещение было выбрано неправильно, из-за чего она вышла привлекательнее, чем была на самом деле, а мне этого совсем не хотелось. Слово «любовь» мне никогда не приходило в голову. Я вообще не сторонник абстрактных понятий, невесть что обозначающих.

Мне просто хотелось, чтобы, просыпаясь, я всегда видел рядом с собою эти коротко стриженные волосы, хотелось всегда слышать этот необычный смех и сжимать эту ладонь, гуляя по вечернему городу. Мне нравилось, как она курит. Нравилось, что она терпеть не может всю эту пуританствующую родню. При чем здесь любовь? Любовь представлялась мне чем-то мифологическим и нежизнеспособным, размахивающим белыми крылышками и играющим на арфе, чем-то рафинированным до тошноты.

Потом была еще одна ночь, и время вновь пылало, выплевывая минуты пулеметными очередями. И были проводы на вокзале и ее обещание написать. Телефонов у

нас не было, а ее адрес я не спросил, решил, что все равно узнаю его, когда придет письмо.

Я долго стоял на перроне, глядя, как поезд растворяется в осеннем холоде, а потом пошел домой и стал ждать.

Прошло пять лет, а я все жду. Помятый почтовый ящик превратился в навязчивую идею. Сколько раз, заметив в соседних ящиках письмо, я вскрывал замки и доставал белые прямоугольники, надеясь, что почтальон спутал номера квартир. Она знала дату моего рождения. Я сказал ей, и теперь эти дни особенно тоскливы, потому что овеваны терпкими запахами надежды и страха. Я жду письмо и боюсь письма. Жду, когда вспоминаю ее глаза, обещающие написать, и боюсь, когда представляю бесчисленную вереницу дней, составляющих пять лет. И я порой не знаю, что лучше: жить с вечной надеждой на что-то или знать наверняка.

Тварь с раздвоенным хвостом вздрогнула и вдруг отчаянно забилась в пыли, точно устав от ожидания и намеренно приближая конец. Последняя сигарета неумолимо догорала в пепельнице. Магазин был рядом. Я оделся и взял деньги. Дождь стучал по асфальту, нудный осенний дождь. Я купил большую бутылку водки и сигареты. Возвращаясь, долго стоял и смотрел на пустой почтовый ящик.

Все было безразлично: старый диван с торчащей пружиной, желтый от дыма потолок, фотография, лежащая на столе. Хотелось просто уснуть. Я знал, что утром проснусь больной и разбитый, но мне было все равно.

Я не стану метаться в пыли, приближая неизбежное.

Я налил половину чайного стакана, выпил, закурил, включил телевизор. Сам не заметил, как зевнул, переключая каналы. Ничего интересного не было, но были голоса, голоса, голоса...

Июль 2005

Змеи

Когда они появились, стояло лето. Лето было дождливым, и я хорошо запомнил тот день, потому что он был безоблачным, и люди осторожно посматривали на солнце, точно боялись его спугнуть. Запомнил я и то, что солнце не нравилось мне. Оно светило слишком ярко, а я хотел сделаться незаметным, спрятаться в какую-нибудь темную норку из-за своего недавнего унижения. Утром начальник уведомил меня, что я попал в список и, доработав до конца месяца, теряю свое место в связи с сокращением штата, а надо мною, между тем, висел неоплаченный кредит, оформленный на чужое имя, и куча разных долгов.

Ситуация сложилась трудная и непривычная, и я мрачно подумал, что вскоре придется объявить себя банкротом и застрелиться. Но я был молод, хотелось жить: просто жить, каким бы дождливым ни было лето.

И что-то случилось со мною... Что-то нехорошее и постыдное... Выбрав минуту, я прокрался в кабинет начальника, где плакал и умолял оставить меня, порываясь встать на колени и жалуясь на судьбу, опутавшую долгами.

Своего я добился и был вычеркнут из списка, но по дороге домой вдруг ощутил внутри себя пустоту, словно все, что было во мне, осталось в том кабинете. Я вовсе не проклинал себя за содеянное. Я просто тяготился собой. Я дышал, и от этого становилось противно. Комок легкой тошноты засел во мне, а так как внутри стало пусто, эти тошноты казались единственным наполнителем.

Дома я задернул занавески и в полутьме мне несколько полегчало. Только какой-то озноб заставил надеть теплый халат и вскипятить чай.

Я сидел на диване, поджав ноги, и вдыхал горячий пар, стараясь унять постукивающие зубы. Когда чай почти

кончился, из-за плательного шкафа выползла небольшая шустрая змейка и уставилась на меня маленькими веселыми глазками. Потом из-под дивана выползли еще две змейки, и еще две – из кухни. Все они собрались в центре зала и не отрываясь смотрели на меня, показывая ловкие раздвоенные язычки. Змейки были покрыты золотистыми узорами и производили приятное впечатление, я как-то сразу почувствовал к ним симпатию, хотя всегда боялся змей, считая их злобными и опасными существами. Ничего странного в появлении змей я не заметил. В одних домах заводятся мыши, в других змеи: не все ли равно?

Тем временем мои внезапные гости затеяли какую-то веселую игру. Они гонялись друг за дружкой, сплетались в озорной клубок, изображая поединок, выскакивали из засады – в общем, вели себя как дети, выплескивающие избыток жизни. Они были очень веселые и совсем меня не боялись, а я вдруг ощутил, как пустота внутри меня заполняется, как тошнота и озноб уходят и становится тепло и спокойно.

С наступлением темноты змеи расползлись по своим норкам, и я немного погрустнел, я боялся, что они больше не появятся, и перед тем как лечь спать, поставил у шкафа блюдце с молоком, надеясь привлечь своих новых знакомых.

Как оказалось, опасения мои были напрасны. Должно быть, змеи тоже почувствовали ко мне что-то вроде симпатии, и с тех пор я каждый день имел удовольствие наблюдать, как они режутся на ковре.

Постепенно мы подружились, и они уже не спешили в свои норки с наступлением темноты. Часто они заползали ко мне на диван, клали свои маленькие головки ко мне на грудь, и я гладил их и говорил всякие ласковые слова, удивляясь, как я мог когда-то считать, что змеи холодные и скользкие. Напротив, они оказались теплыми и

шелковистыми и совсем не ядовитыми. Они и шипели-то редко, да и то больше в шутку, чтобы подурачиться.

Об одном я жалел, что они не умеют говорить, но чего не дано, того не дано.

К концу лета мы окончательно сблизились, я уже не мог прожить без своих змей. Они даже стали сопровождать меня на работу, тихо сидя в большой матерчатой сумке. На работе я потихоньку расстегивал замок и ставил сумку под стол. Под столом было темно и змеи осторожно играли, не привлекая внимания сослуживцев, которые сначала спрашивали, что за сумку я стал с собой носить, а потом привыкли, вполне удовлетворившись моим объяснением, что она для продуктов.

Дела мои заметно улучшились, я стал работать очень старательно, и начальник даже повысил мне зарплату. Чудак, вероятно, думал, что мои старания – это знак благодарности за его снисходительность. Впрочем, мне это было без разницы. Не рассказывать же, что это из-за змей, вдохнувших в меня жизнь. Честно сказать, с того солнечного дня у меня не было ни минуты плохого настроения, я стал жизнерадостным и улыбчивым на зависть окружающим.

Мои змеи стали для меня ближе самых близких родственников. Я дал им всем имена и они охотно на них отзывались, я ставил каждый вечер блюдце свежего молока у шкафа, несмотря на то, что они никогда не отпили и глотка. Этим я давал им почувствовать, что их любят и заботятся о них.

В начале сентября я сделался совсем счастливым, потому как мне удалось расплатиться со всеми долгами и даже погасить тот жуткий кредит, оформленный на друга.

Надо сказать, друг очень тяготился своим положением фиктивного должника и даже перестал ко мне заходить, опасаясь, должно быть, какого-нибудь неосторожного слова.

И вот однажды я позвонил ему и сказал, что кредит погашен. И солнце дружбы вновь взошло над горизонтом отчужденности. Друг даже и не пытался скрывать свою радость. Он тотчас сообщил мне, что зайдет ко мне вечером пропустить по стопочке и повспоминать старое доброе.

Был тихий теплый вечер, мы сидели и выпивали, мирно беседуя. Мои змеи спрятались, приученные сторониться незнакомцев. А потом друг заметил блюдце, стоящее у шкафа, и с удивлением спросил, для кого оно, зная, что у меня дома нет кошки. Я немного смутился, а потом подумал, что, в сущности, скрывать мне нечего, а может быть, даже есть чем гордиться. И я сказал другу, что это блюдце для змей. Друг несколько искусственно рассмеялся моей шутке, а я хитро поглядел на него и позвал свою любимую Полосатку, названную так за красивые золотистые линии на шелковистой чешуе. Она тотчас выползла из-за шкафа и свернулась клубочком у моих ног. Я наклонился, осторожно поднял ее и обернул вокруг своей шеи, ласково поглаживая маленькую головку, а затем я заметил, что друг сидит неподвижно со странным выражением на белом лице. Впрочем, многие люди пугаются при виде змей, и я, решив, что для начала достаточно, опустил Полосатку на ковер, после чего она уползла обратно за шкаф.

После моего вопроса, как ему понравилась змея, друг почему-то тревожно огляделся, словно искал запасной выход, и, невнятно пробормотав, что «змея ничего так себе», зачем-то попросил меня не волноваться. Разговор как-то сразу расклеился, друг вспомнил о какой-то встрече, назначенной на это время, и с излишней, как мне казалось, торопливостью ушел. Я немного расстроился, но вскоре забыл об этом, играя со змеями. И они были особенно веселыми и ласковыми в этот вечер.

То, что пропал запасной ключ от входного замка, я не заметил.

На следующий день подул резкий холодный ветер. Сухие листья летели с деревьев и шуршали под ногами.

В первый раз я не стал брать на работу большую сумку, опасаясь, что мои змеи простудятся. Я очень соскучился по ним, считал минуты, подгоняя неторопливое время.

Как я спешил домой, не замечая пронизывающего ветра! Скорее! К змеям! Как они там без меня? Наверно, лежат, погруженные в тоску, мечтают о том, как я приду и назову их по именам.

Так и оказалось. Они лежали на ковре, грустно высунув свои маленькие раздвоенные язычки.

Я ворвался в зал и лег на ковер, выкрикивая их имена и смеясь, а змеи исполнили на моей груди радостный танец.

Я не слышал, как повернулся ключ и как в зал вошли большие белые люди. Я вырывался и кричал, когда они укладывали меня на носилки и стягивали мое тело ремнями. Мои змеи в страхе попрятались по своим тайным норкам, а я вопил и пытался кусаться. Вдруг что-то блеснуло и пронзило мне руку. Я вопил, но все тише, пока темнота не накрыла меня душным одеялом.

Очнулся я в комнате с мягкими стенами и запертой дверью. Мягкая постель лежала в углу и я лежал на этой постели, тело мое было свободно, а окон не было, из-за чего я не мог определить, день сейчас или ночь. В голове было тепло и мутно, а у постели дремали, свернувшись калачиком, мои змеи. И так спокойно и радостно стало у меня на душе, я называл их по именам, я целовал их маленькие головки, гладил теплую шелковистую чешую. А по щекам моим катились слезы, но вы ошибаетесь, если думаете, что я плакал от горя.

Это были слезы счастья. Любовь оказалась сильнее запертых дверей, сильнее белых людей и грубых ремней, стягивающих тело.

Я понял : что бы ни случилось, какой бы стороной ни повернулась ко мне жестокая жизнь, мои преданные змеи никогда меня не покинут. И никакие стены не смогут остановить тех, кто по настоящему любит меня.

28.02.2004

Ночь моей смерти

Вот уже месяц как я не могу ходить. Температура. Первые три недели как-то можно было с этим мириться. За окном что-то белое, кажется, зима.... И метет. Точно не помню. Неделю назад помнил, но сейчас... Голова болит... Зима, лето? Какая разница? Озноб одинаков. Колотит так, что зубы стучат. Смеркается... Белое темнеет. Скорей бы всё прекратилось. Врач обещал. Чёртов врач! Уже неделю обещает. Сколько можно? Впрочем, этой ночью обещал наверняка...

Ходят вокруг. Не терпится. Всегда был лишним! Ходите, ходите, никуда не денетесь. Вот и градусник. Сколько там? Сорок один и два! Прогнал. Обижаются. Дань памяти не дал отдать. Гады! Чтоб вам так же лежать и под себя ходить. То ли вчера, то ли позавчера видел белое лицо за окном. Смотрело и вроде бы усмехалось. Орал дико. Сбежались, сволочи! Спать не дают. Врач обещал. Скоро выспитесь. Почему нельзя сразу? Как же больно... Где эти твари?

Таблетку! Таблетку дайте! Ненавижу... За окном воеет. Смех какой-то слышался, а может, плач... Какая разница? Вчера хлынула кровь из носа. Лёд прикладывали. Бесполезно. Лежал и глотал. Принесли таз. Рвало собственной кровью. Никогда не видел столько. Какая-то

муха летает вокруг лампы. Откуда мухи зимою? Как же холодно... Воспаление мозга... Где ж твоё обещание?.. Быть может, это она была? В больницу хотели положить. Не отвяжетесь! Сплошная кость. Неужто моя рука? Во рту сухо и колотит? Сорок один и два. Почему так колотит? Ещё и не жил. Совсем не жил. Впрочем, жил не жил, эта мразь не спрашивает. Помню лето. Лежал, на воду глядел. Думал, через год так же лягу, и ещё через год. Лёг. За окном воеет. А я лёг. Глядел на воду. Во рту сухо. Рука не поднимается. Где эти сволочи? Всё-таки дотянулся! Я ещё не во всём зависим! Опять этот вкус железа. Только бы кровь не шла. И так не осталось. Где этот чёртов таз? Поздно... Прямо на пол. Ничего, подотрёте. А, вот и вы. Как смотрят... Опять это наваливается. Какие-то провалы. Однажды очнулся на полу. Сбежались с топотом. Наверное, думали - уже всё. Хотели ребёнка... Получилось два. Как смотрит этот, которого хотели. Наваливается, наваливается... Кто это в комнате? Как же больно. Темнота вокруг. Опять белое лицо висит в темноте... Пить... Пить дайте... Вкус железа... Моей же кровью хотите напоить... сволочи! Пошли отсюда! Плевал я на вас... И снова лицо... Не могу видеть. Одно лицо... В воздухе висит... И улыбка... Кто-то кричит. Да это я кричу... Откуда силы? Колотит от крика...

Что за пятно? Ночник на столе. Лекарства разные. Неужели еще не все? Лицо исчезло. Не могу рукой пошевелить, но теплее. Больше не колотит. За окном воздух совсем черный и что-то белеет. Пусто в комнате. Уснуть бы и чтоб совсем. Думают, не слышу, когда провалы. Место определили. Возле сестры... Как звали? Не помню ничего... Совсем маленькая была. Что там было?.. Осень была, но тепло... Еще дерево росло и трава. И лицо веселое, помню, на плите.

Помню, в мяч играли... Смеялась... А на платье кубики цветные. Интересно, как меня понесут? За окном воеет и

земля твёрдая. Потом домой пойдут, а я не пойду. Будем рядом лежать под деревом. Вспоминать, как в мяч играли. А может и не будет ничего, как за окном – воздух чёрный и что-то воет... Хотели какого-то из церкви позвать... Прогнал... Ругался, кажется... Обиделись жутко. Сам всё узнаю... Есть так есть – нет так нет...

Песочницу помню. Давил лягушек... Маленький был. Утро было... Холодно... Чёрт! Опять колотить начинает. Лягушек много было... Наступлю, погляжу. Где этот таз идиотский? Тьфу! Желчь одна... неделю не ел... Лягушки! Зачем я их давил?! Теперь меня кто-то давит. Врач обещал... Идиот какой-то: обещает, а сам в глаза не смотрит. Врёт, наверное, ещё неделю валяться. Его бы, как лягушку. Хотя, жалко лягушек. Скакали себе... Песок был мокрый... Тополя качались вокруг. Какие-то отморозки приходят и давить начинают. Какой смысл? Впрочем, нигде его нет. Вот лежу, и колотить опять начинает. Где смысл? Ещё бы утро, хоть одно... На восход поглядеть, как звёзды гаснут. Чтобы воздух свежий... Ночник бы потушить... Неба не видно. Ничего, сам скоро буду.

Фотографию повесят в комнате... Чёрт! Фотография! Какая-то фотография в куртке лежит... Чья фотография? Куда память делась? Девушки... Точно, девушки! Что за девушка? Как выглядит, не помню... Вроде бы лицо белое... Тьфу! Опять это наваждение.

Что за девушка? Ох! Опять эти подонки притащились! Любуются... Что, ямку уже выкопали? А веночки купили? Неужто вслух спросил? Плачет кто-то... В глазах, словно дым какой-то... Кто там плачет? О-о-о! Снова это лицо! Не одно уже, плечи появились... И опять воет и наваливается, наваливается... Мошкара какая-то вокруг. Какая ледяная... Наваливается... воет как жутко... Проваливаюсь... Чувствую – всё! Скорей бы... Какая боль... Всё взрывается... Вихри мошкары и лицо белое... По пояс уже. Зачем я

лягушек давил? Кричать, кричать! Только скорее! Кубики цветные. Под деревом... Скорее! Ну есть же кто-то где-то. Есть ли?

Было ещё темно, когда я очнулся. Какое-то непривычное тепло ощущало уставшее от озноба тело. Слабость была, но какая-то покойная. Смог повернуть голову. Они были здесь. Мать, отец, брат. Стояли, прижавшись друг к другу. Плакали и смеялись. Смеялись и снова плакали. В уголке сидел врач. Вид у него был растерянный и немного смущённый: обещание не выполнил. Я попросил выключить ночник и уйти. Ласково попросил, сказав, что устал. Они ушли, но я не хотел спать, хотя действительно устал. Я смотрел за окно. Там больше не выло. Там в медленно белеющей тишине гасли звёзды. Это был рассвет. Это был лучший рассвет. Мой рассвет. И думалось мне, быть может, и впрямь где-то кто-то есть. Кто-то, могущий подарить человеку ещё один рассвет. Пусть даже человек этот всех проклинал и всех ненавидел.

И ещё я думал о фотографии, лежащей в куртке. На ней и впрямь была девушка, правда, совсем ещё маленькая. Она улыбалась мне, прижимая мяч к платью с цветными кубиками.

30.09.2004—03.10.2004

Мост

Река была не слишком широкая, но мост почему-то казался очень длинным. Впрочем, быть может, он казался таким лишь отсюда, где кончался пятнистый свет оставленных позади городских фонарей и начиналась обитель заката, холодеющего где-то за полями и холмами другого берега.

Я не раз ходил по этому мосту. Ходил один. Ходил с семьей. Ходил с друзьями. Нас, закованных в геометрическую броню города, тянуло туда. Туда, где все бесформенно и хаотично, где контуры видимого сливаются с контурами сознания, образуя мнимую гармонию.

Однако в этот миг я стоял, и странные мысли стояли со мной рядом: это не тот мост, совсем не тот, и город, оставшийся позади - не тот город, и холмы, темнеющие за рекою - не те холмы.

Быть может, все оттого, что раньше я всегда видел мост при свете дня? Быть может, я сплю, и сновидение исказило привычные очертания?

Но нет, я точно помнил, что вышел из дому, солнце было еще высоко, я гулял, долго бесцельно бродил по улицам, а потом случайно вышел к мосту и удивился тому, как быстро спустился вечер. И помню еще одну странность: подойдя к мосту, я обернулся, и город вдруг показался мне жутко далеким, хотя и был всего в пятистах шагах.

Но размышлял я недолго. Ведь, в самом деле, я никогда не стоял у моста в это время и, в самом деле, долго ходил в этот день. Подумав о том, я стал спокоен; странности для того и существуют, чтобы иметь простые объяснения.

Я хотел было уже повернуться назад, ведь час стоял поздний, а автобусы не любят ждать, но внезапно понял, что именно в это время, именно один, без семьи, без друзей, я пойду на мост и пройду по нему, чтобы постоять на том берегу и наедине с собою ощутить ту самую мнимую гармонию, какой при всей ее мнимости не ощутить там, где я бесцельно бродил весь день.

Мост встретил меня тихими, чуть слышными шагами. Время от времени я останавливался, и шаги затихали. На мосту мне стало немного жутко от его гордого величия в этот поздний час. Днем здесь были грязные перила с

зблупившейся краской. Теперь вместо них предстало строго
зыкованное совершенство, холодное и надменное. Днем
здесь стояли никому не нужные фонарные столбы с понуро
зпущенными головами. Теперь столбов не было. Были
только силуэты каких-то черных исполинов, изливающих из-
под капюшонов ледяной игольчатый свет. Странен был этот
свет. Он жил только в пределах моста. Исполины словно
искали что-то у себя под ногами, безучастные ко всему
остальному миру. И казалось, что мост рассечен яркими
полосатыми трапециями. И я шел через эти трапеции, как
сквозь бесчисленные, гостеприимно распахнутые, ворота.
А подо мною невидимая река с тихим плеском облизывала
устои.

Когда я прошел сквозь ворота, закат уже почти охладел,
вдалеке бесформенной черной волной застыл холмистый
горизонт. Я понял, что на автобус уже не успеть. Было
совсем тихо, лишь иногда вскрикивала гулко какая-то птица.
Сперва мне было немного досадно за мою секундную
слабость, приведшую меня на мост, а потом я махнул рукой
и решительно зашагал в поля, навстречу черной
кардиограмме холмов. Мне подумалось: если уж я так
бесцельно бродил целый день, что не заметил наступления
темноты, если уж я пошел на вечерний мост, чтобы обрести
за рекой свою личную гармонию, значит, так тому и быть. К
тому же, ночь коротка. Придет восход, и я вернусь в город
по утреннему мосту, чтобы провести внутри геометрической
брони еще один день, быть может, уже не настолько
бесцельно.

08.06.2005

Уставший от снов

Моя жизнь была прекрасна. Воплощение мечтаний человечества. Мое небо всегда было безоблачным. Мое веселье – неисчерпаемым и утонченным. И не было минуты, чтобы бледность скуки разбавила своим молоком кофейный загар экзотических стран. Я даже не представлял, что означают такие слова, как голод, бедность, болезнь. Лучшие яства планеты были обычными для моего стола. Я никогда не считал своих денег, ибо не знал столь огромных чисел. А здоровье мое привело к тому, что, прожив, в сущности, не так уж мало, я не помнил ни одного случая лечения, кроме того, как однажды смазывал йодом порезанный палец.

Последнее, быть может, объяснялось моей нелюбовью к зиме, к холодным ветрам и осенним дождям, заунывно стучащим по мокрой земле. Я любил солнце, лето и теплое море. Я любил дурмящие ароматы и яркие краски и всегда стремился туда, где мог найти все это. И моей мечте никогда не удавалось убежать – я всегда догонял ее. Стоило небу над моей головой слегка потемнеть, стоило легкому ветерку взъерошить мои волосы, как мой самолет тотчас расправлял серебряные крылья и нес меня туда, где солнце, лето и теплое море. И не было на Земле пляжа, где моя нога не взрыхлила горячий песок. И не было моря, не омывшего теплыми волнами моего экзотического загара. И не было ресторана, на террасе которого я не сидел ароматной лунной ночью, сжимая в ладони бокал тонкого вина. И не было театра, в ложе которого я не появился, облаченный в элегантный смокинг. Не было ничего, что жизнь сокрыла бы от меня, считая, что именно этого я не заслужил.

Была лишь одна вещь, от которой мне хотелось избавиться. И это желание избавиться от одной вещи, было

единственной мечтой, которую я не мог осуществить ни за какие деньги.

То были мои странные сны, происхождение которых не поддавалось объяснению. Тем более, что сны эти были на удивление одинаковы и унылы.

Чаще всего мне снилось, что я еду в каком-то пыльном автобусе, вокруг меня люди с серьезными лицами, за окном мелькают чахлые деревья и поблекшие от сырости дома, угрюмое солнце слепо просвечивает сквозь лохматую химическую дымку, и в воздухе стойкий запах болезни. Потом мне снились длинные ряды железных контейнеров, из которых я доставал грязное черное одеяние, облачившись в него, шел куда-то, где вместе с серыми людьми монотонно трудился среди пыли и сырости, думая только о том, чтобы сон поскорее закончился. И не было ни пляжей у теплого моря, ни террас дорогих ресторанов, где так хорошо сидеть в лунном свете с бокалом тонкого вина. Была холодная река, несущая ключья желтоватой пены и камни, перемешанные с окурками и смятыми пивными банками. Часто унылые дожди стучали по мокрой земле, и я не мог убежать от них, потому что в моих снах не было самолета с серебряными крыльями. Была только лопата, которой я ковырял черную землю вокруг покосившегося домишка, весь облепленный комарами и мошками. В своих снах я часто болел и, проснувшись, смутно припоминал о том, удивляясь, откуда все это приходит в спящее сознание. Откуда этот образ, крохотной квартиры и старого скрипучего дивана в сознании, привыкшем к роскоши отелей, бухарским коврам и красному дереву? Откуда этот вкус подгоревшего картофеля на языке, привыкшем смаковать лучшие яства планеты? Откуда эта бледность на коже, привыкшей к загару экзотических стран?

У меня не было ответа на эти вопросы, и с каждым днем, просыпаясь, я ощущал себя все более уставшим. Моя мечта все-таки обхитрила меня, отыскав уязвимое место. Но я не мог сдаться так просто, и одна идея пришла мне на ум. Что если в одном из моих странных снов что-нибудь случится? Что если пыльный автобус перевернется и пламя охватит его? Что если холодная река раскроет свои воды и поглотит мою потустороннюю половину? Что если...? Ведь это всего только сон, а во сне люди не чувствуют боли. И я каждый день, прежде чем уснуть, стал давать себе установку, стал внушать, что сегодня должно наконец что-то случиться. И это продолжалось очень и очень долго. Однако ничего не случилось. Пыльный автобус все так же катился в мутном свете слепой звезды. Все так же ключья желтоватой пены плыли по холодной реке, и я постепенно догадался: что-нибудь случиться может, только если я сам, своей рукой занесу нож над судьбой.

И вот однажды мне привиделось, что я сижу на диване и держу в ладони блестящую бритву, задумчиво разглядывая запястье. Мне казалось, что целая вечность утекла вслед за желтоватой пеной, пока я сидел и пытался занести руку над судьбой.

А потом я проснулся и грустное понимание пришло в сознание уставшего от снов: моя потусторонняя половина безвольна. Она малодушно цепляется за то, что считает жизнью, и никакая сила не победит страха перед решающим жестом.

Быть может, моя грустная половина боялась, что лишившись пыльного автобуса и железных контейнеров, в которых хранится черное одеяние, она лишится и своих мечтаний. Мечтаний о загаре экзотических стран, террасах, залитых нежным светом луны, театрах, в ложе которых так приятно сидеть, облачившись в элегантный смокинг.

И еще мне подумалось о том, что с той же степенью, с какой я мечтаю забыть о чахлах деревьях и поблекших от старости домах, моя печальная болезненная половина мечтает о той минуте, когда, проснувшись, увидит за окном самолет с серебряными крыльями, который навсегда унесет ее туда, где солнце, лето и теплое море.

5.03.2004

ПЫЛЬ

Любимой жене Ольге посвящаю

Рассвет в то утро был розовым и нежным, и птицы пели красиво, должно быть, восхваляя вечную молодость и вечное счастье. Её молодость и её счастье.

Она стояла на тёплом мягком ковре, глядя в большое овальное зеркало, в котором надменная богиня поправляла непослушные выющиеся локоны. Зелёные глаза богини искрились, кожа светилась не отражённым светом жёлтого торшера, а внутренним светом, точно солнце восходило не за окном, а в её душе, точно она сама была крохотным солнцем, призванным согреть собственный маленький мир и тех немногих счастливых, живущих в этом мире.

Правда, пока в нём жил лишь один счастливец, и тем счастливее он был, безраздельно купаясь в тепле и свете крохотного солнца. Она осторожно провела ладонью по гладкому животу и тихо засмеялась: трудно поверить, что там кто-то есть, внешне ничего не изменилось. Скоро счастливцу придётся делиться светом и теплом, но он и не заметит того, ведь в ней столько счастья. Она молода, она богиня, и вечная жизнь впереди. Розовый восход и пение птиц за окном. Всё это безразмерно. Всё это вне времени.

Она подошла к окну и несколько минут стояла, улыбаясь утреннему небу. Потом перевела взгляд на большую кровать, где, зарывшись лицом в подушку, спал счастливец. Как ей хотелось, чтобы он встал и тоже увидел этот восход и услышал птиц, поющих о жизни и любви, но те полтора часа, оставшихся до звонка будильника, были нужны счастливцу. Завод, на который ему предстояло ехать, не любил сонных и вялых рабочих, и с ними порой случались нехорошие и даже страшные вещи.

Он не рассказывал ей о своей работе, говоря лишь, что работа несложна и безопасна, но она не верила, представляя крохотные фигурки людей среди раскалённых металлических потоков и пурпурных ядовитых облаков.

Это было жутко, но отдавало некой романтикой, героическим самопожертвованием, и всякий раз, думая о том, она ощущала нежную грусть и желание сделать что-нибудь для него.

Тихо одевшись и умывшись холодной водой, она прошла в кухню и, затворив дверь, чтобы шум не тревожил счастливца, приготовила завтрак. Хотелось сделать что-то особенное, но фантазия не вписывалась в объём небольшого холодильника. Бутерброды с маслом, сыром и колбасой. Впрочем, это далеко не худшее из того, что едят люди. Аккуратные ломтики хлеба, свежая зелень — и всё очень даже неплохо. Сварила какао, зная, что он очень его любит. Прохлада, плывущая сквозь открытую форточку, пропиталась тонким шоколадным ароматом. Птицы уже не пели. Шаркающие звуки метлы доносились со двора. Длинный летний день протирали заспанные глаза и многообещающе улыбался.

В комнате запищал будильник. Мерзкий, требовательный писк. Она вышла из кухни и засмеялась. Вместо того чтобы встать, счастливец накрыл голову

одеялом, пытаясь спрятаться от этого писка, зовущего в мир расплавленного металла и ядовитых облаков.

Выключив будильник, она присела рядом со счастливецом. Нежное объятие, ласковый шепот - и сон, неподвластный электронному писку, начал отступать. Недовольно бурча и жмурясь от льющегося с улицы света, счастливцев поплёлся в ванную комнату.

Полилась вода. Золотые солнечные пятна радостно бегали по комнате. Клён медленно, красиво покачивался за окном. Она слушала, как счастливцев фыркает и отдувается в ванной, и ей казалось, что нет ничего замечательнее этих звуков.

Когда он вышел, постель уже была убрана, а на столике стоял поднос с бутербродами, и приятно пахнущий пар клубился над большой белой чашкой. Благодарный поцелуй, немое восхищение в его глазах. Он действительно счастливцев. Как жаль, что надо одеваться и идти работать, что нельзя остаться и сидеть, купаясь в этом тепле и слушая, как клён шелестит за окном. Но служебный автобус не станет ждать и на заводе никто не улыбнётся понимающе, заметив отсутствие счастливицы, и поднос с бутербродами не возникнет из ничего, если автобус уедет.

Хлопнула дверь. На подносе стояла пустая белая чашка в окружении колючих хлебных крошек.

Она вздохнула. Лёгкая растерянность промелькнула в глазах, но тотчас исчезла. Дневной двор наполнился звуками человеческих голосов и добродушным собачьим лаем.

Она села в кресло и принялась листать толстый глянцевый журнал, пытаясь скрасить непривычное одиночество цветастыми фотографиями искусственных людей.

Одиночество не скрасилось, но через какое-то время сделалось более привычным и понятным. Ведь солнце светит, и клён шелестит, и ничто не меняется: так будет

всегда. Он вернётся, и вновь будет восхищение в его глазах и благодарный поцелуй. У него будут выходные дни и будет отпуск. И будут весёлые поездки и путешествия, танцы и объятия. Будет жизнь. Жизнь, подобная глубокому деревенскому колодцу. Жизнь, которую нельзя вычерпнуть до дна, потому как с каждым солнечным восходом она наполняется вновь.

Она отложила журнал, и тень набежала вдруг на её лицо. Тонкий слой пыли лежал на предметах невесомым покрывалом. Отчего-то ей стало страшно, правда, лишь на мгновение, столь краткое, что она, пожалуй, даже не успела осознать страх. Ведь это была всего только пыль, обычная пыль.

Ей казалось, что она вытирала недавно, хотя она и не помнила в точности, когда это было. Сколько прошло с той минуты?

Она подошла к зеркалу, в котором недавно искрились зелёные глаза и кожа светилась, точно поверхность крохотного солнца. Стекло запылилось и пушистый серый налёт лёг на юное лицо зазеркальной богини, её взгляд потускнел, и словно какая-то усталость неуловимо изменила знакомые черты.

Она подняла руку и провела по зеркалу указательным пальцем. Пыльный занавес немного раздвинулся. С опаской, затаив дыхание, она приблизила к зеркалу лицо и заглянула за кулисы. Нет. Ничего не изменилось. Богиня была там и искры не исчезли, и кожа всё так же светилась: какое облегчение. Это просто пыль, всё дело в пыли. И полумгла, плавающая по комнате, и тень, набежавшая на лицо. Пыль осела на оконном стекле и, подобно невидимому фильтру, улавливала свет. Свет не исчез, он остался, но не мог найти дорогу среди этих мельчайших серых частиц. Ничего страшного не случилось. Всё станет как прежде. Надо только сделать небольшую уборку.

Она унесла на кухню поднос. Немытая посуда громоздилась на нержавеющей мойке. Откуда она взялась? Казалось, утром, когда варилось какао, всё было чисто. Впрочем, она в точности не помнила этого. Возможно, просто не обратила внимания на все эти тарелки, кастрюли, вилки и ложки с присохшими остатками обедов и ужинов. Хотя всё к лучшему. Время побежит быстрее, приближая момент, когда отворится дверь, войдёт счастливец, и они сольются в поцелуе.

Зажурчала вода. Раскрасневшиеся руки замелькали, звеня тарелками и разбрызгивая тёплые капли. Время и впрямь встрепенулось, её предположение оказалось верным. Приближался полдень. Хотелось поскорее разделаться с пылью, однако надо было сперва приготовить обед.

Есть почему-то не хотелось. Должно быть, завтрак был плотным, хотя она и не помнила, из чего он состоял, и вообще, был ли он, этот завтрак. Но счастливец вернётся голодный и наверняка расстроится, обнаружив ненакрытый стол.

Сварила борщ, перед этим пришлось сбегать в магазин. День был тёплый и безоблачный. Небо ещё не успело запылиться.

Её немного беспокоила мысль, что пыль продолжает накапливаться, пока она стоит у плиты. Мысль подгоняла, заставляла торопиться и делать лишние суетливые движения, отчего беспокойство усиливалось и пропадал аппетит. И предстоящая борьба с поглотителем света уже не вдохновляла. Она скорее утомляла, ещё не начавшись. И вместо желания приблизить возникало другое желание: оттянуть эту борьбу, быть может, дожидаться возвращения мужа, чтобы преодолеть это вместе.

Но она понимала, что он придёт уставший, у него не будет сил на эту борьбу. Это её борьба. Её предназначение - вернуть свет в этот маленький мир.

Она набрала воду в ведро и, взяв тряпку, вышла на середину комнаты, с настороженным вниманием оглядывая поле битвы. Ничего не изменилось, только занавес, скрывающий Зазеркалье, обрёл прежний вид. Полоска, прочерченная указательным пальцем, исчезла, и богиня выглядела совсем уставшей. Да ещё огромная паутина появилась в углу за креслом, пока на кухне звенела посуда. Посреди паутины сидел большой паук и задумчиво смотрел на ведро и тряпку, предчувствуя беду.

Тем временем комната продолжала погружаться во мглу, всё более плотными становились серые оконные фильтры.

Она зажгла электрический свет. Оказалось, что пыль повсюду. Местами даже с потолка свисали причудливые нити, похожие на уродливые лишайники. Что-то похожее на бессилие начинало подниматься в душе, подавляя волю и тягу к борьбе. Захотелось лечь и лежать с закрытыми глазами, не думая ни о чём и ничего не ожидая. Пусть пауки плетут сети, пусть нити удлиняются, пока новые стены не встанут между полом и потолком. Пусть сгущается мгла. Всё равно эту пыль не победить, и пелена, однажды затянувшая Зазеркалье, останется, и никакие потоки воды не сорвут эту пелену.

До возвращения счастливец оставалось не так много времени. Что скажет он, увидев нити, свисающие с потолка, и задумчивого паука, поселившегося в углу за креслом?

Вдруг ей показалось, что за паутиной что-то виднеется. Не выпуская тряпки из рук, она приблизилась. Паук юркнул в какую-то щёлку и затаился, отдавая свои владения на поругание судьбе.

За паутиной оказалась дверь. Самая обыкновенная фанерная дверь. Необыкновенным было лишь то, что она не помнила этой двери. Кажется, утром стена была гладкой, хотя она могла и не обратить внимания на такую мелочь. Утром пели птицы, и розовый восход заливал комнату волшебным обманчивым светом. Паутины точно не было, и пыльный занавес ещё не опустился между комнатой и Зазеркальем, а дверь, вполне возможно, была, а быть может, не дверь, а предчувствие её появления имело место, но тогда она слишком увлеклась созерцанием зеленоглазой богини, она была очарована и ничего не замечала ни вокруг, ни внутри себя.

Аккуратно и брезгливо смахнув липкое паучье кружево она с опаской, стараясь не скрипеть, потянула за дверную ручку.

Радостное спокойствие посетило её от вида, открывшегося перед глазами.

Сын сидел за маленьким письменным столом и делал уроки. Раскрытые учебники и тетради, карандаши, авторучки. Работа кипела. Было заметно, что он увлечён и относится к делу серьёзно. Но ещё больше её порадовала комната, очень солнечная и чистая; радость детства жила в этой комнате и серые фильтры ничего не смогли с ней поделаться.

Сын почувствовал её взгляд и, обернувшись, подарил улыбку. Она тоже улыбнулась ему и тихо притворила дверь. Не надо его отвлекать, не надо слишком широко отворять фанерную дверь, давая тем самым пыли шанс проскользнуть в этот светлый уголок.

А мгла всё сгущалась. Нити удлинились настолько, что их можно было коснуться рукой. В противоположной части комнаты появилась новая паутина, посреди которой так же сидел паук и смотрел на тряпку, но уже не задумчиво, а вызывающе.

Без сил она опустилась на диван, чувствуя тупую застарелую боль в ногах и спине. Так она сидела до тех пор, пока не щёлкнул замок и в комнату не вошёл счастливец.

Она подняла глаза и сразу поняла, что поцелуев и немного восхищения не будет. По-крайней мере, сегодня. Счастливец выглядел страшно уставшим. Вероятно, это была очень тяжёлая смена. Даже волосы счастливца поредели и изменили цвет от этой страшной усталости. Как подрубленный он повалился на диван и, включив телевизор, устремил на экран взгляд потухших немигающих глаз.

На неё он не смотрел, быть может, даже не замечал, что она рядом; сидит на том же самом диване и перебирает в руках старую пыльную тряпку.

Так они и сидели: молчаливые и уставшие. Серые нити удлинились. Занавес, скрывающий Зазеркалье, становился плотнее. Близилось время заката.

Потом из солнечной комнаты вышел сын и сказал, что ему пора идти. Они не задерживали его, понимая, что ему действительно пора, просто крепко, по очереди, обняли его, а она ещё трижды поцеловала в колючие щёки, для чего сыну пришлось наклониться.

Вновь щёлкнул замок, после чего счастливец сказал ей, что на работу больше не пойдёт, и отправился спать.

Она осталась одна. Начинался закат. Птицы не пели, и не шелестел молодой клён за окном. Серые фильтры сделались очень плотными, но даже они не могли скрыть от её взора мрачной прелести багрового заката.

Она подошла к большому овальному зеркалу. Занавес опустился. Богиня почти исчезла. Лишь какие-то едва уловимые знакомые контуры просвечивали через слой непроницаемой пыли. На душе был покой. Она не смогла справиться с пылью, не смогла изгнать задумчивых пауков. Но она хотя бы сохранила кусочек крохотного солнца в той маленькой комнате за креслом.

Тьма сгущалась неотвратно и быстро. Серые нити, уже почти достигшие пола, казались черными.

Последние багровые отблески гасли за окном.

Двор опустел. Не слышно было людских голосов и красивого шуршания метлы.

Только одинокая собака выла тоскливо у переполненных мусорных баков, провожая крохотное солнце, уходящее в темноту.

Февраль - март, 2006.

Евгений Беверс

СЫН

Я отнял руки от лица, снова надел очки, но тут же понял, что это бесполезно. Буквы прыгали перед глазами, сливались в жирные черные линии.

Все, больше не могу. Надо отдохнуть, подумать о чем-нибудь отвлеченном.

Я посмотрел в окно, прислушался: мерно постукивали колеса, мимо проносились столбики полустанков,

сопровождаемые проходящей волной переездного звона. Поодаль горели огни какого-то небольшого селения всего в несколько домов. Заметенные снегом по самые крыши избы были похожи на какие-то сказочные жилища. Я представил себе, как, наверное, это должно быть романтично - из метели зайти в теплую избу, погреть руки у горячей печки. Но как они тут живут в такой глуши на краю тайги? И почему именно здесь? Как вообще пришло кому-то в голову построить здесь эти несколько домов? Скорее всего, это наследие социализма. Может быть, какой-нибудь лесхоз, промысловая контора или золотой прииск. Люди здесь жили, работали, любили, у них рождались дети, которые уже не знали другого, и в конечном итоге, когда все развалилось, стали заложниками своего образа жизни, этого полустанка и этого поселения.

Очень необычная страна наша Россия. Люди в ней живут везде, порой в самых отдаленных уголках, в нечеловеческих условиях, за сотни километров от более-менее цивилизованных населенных пунктов, и ведь живут. Каждый их день - это борьба за выживание, сводящая их интересы к элементарным потребностям. Простые потребности, простые желания, простое счастье. Они много работают и много пьют. Вероятно, собираются вечером все вместе, поют песни, рассказывают незамысловатые истории и верят, обязательно верят уж не знаю в кого, но что верят - это точно. Без веры в таких местах не выживешь.

Поезд стал замедлять ход и остановился у какого-то населенного пункта. Из окна была видна большая энергоподстанция, вероятно, единственная кормилица в этих краях. По платформе бежал запыхавшийся человек огромных размеров в полушубке и лисьей шапке набекрень. В вытянутой руке он держал билет, который начал подавать проводнику еще за десять шагов до него. Поезд тронулся и, оставив позади освещенную платформу с

энергостанцией, снова погрузился в темноту сибирской тайги.

Я прислушался. В коридоре были слышны приближающиеся шаги и невнятное бормотание. Вероятно, человек, вошедший в вагон, вслух читал номера купе и, не найдя знакомых цифр, шел дальше.

«Сейчас он обязательно зайдет ко мне, - подумал я с раздражением, но сразу поймал себя на мысли, что это, скорее всего, моя обычная брюзгливость; в общем, было бы даже неплохо сейчас поговорить с попутчиком, ведь он, наверное, из тех людей, о которых я сейчас размышлял. Хотя нет, вряд ли охотник поедет куда-нибудь в купе, да и зачем ему куда-то ехать? Возможно, это какой-нибудь энергетик или геолог, возвращающийся из командировки.

Шаги затихли возле моего купе. Наверное, ночной пассажир увидел знакомую цифру на двери, еще раз сравнив ее с той, которая на билете, сказал: «Угу» - и тихонько постучался.

Ну вот, как я и думал.

- Входите, открыто.

Дверь приоткрылась, и в нее просунулось красное лицо лет пятидесяти, уже без лисьей шапки.

- У вас свободно?

Такой вопрос может задать только русский человек. Ни в одной другой цивилизованной стране никому даже не пришло бы в голову, что место, на которое ты купил билет, может быть уже кем-то занято. Причем этот кто-то имеет на руках аналогичный документ.

- Да, конечно, свободно, - ответил я и немного подвинулся к стенке, оценив габариты попутчика.

- Я вас не разбудил?

- Нет, нет, все нормально, заходите.

- Сейчас, - ответило красное лицо шепотом и опять исчезло за дверью.

Слышно было, как его владелец кряхтел, снимая полушубок, потом стал отряхиваться от снега с таким шумом, что, наверное, разбудил даже соседний вагон. Мне стало смешно и интересно. Наконец, закончив чистку перьев, огромный человек открыл дверь до конца и, вероятно, по привычке, продолжал толкать ее дальше после того, как она уперлась в фиксаторы, в надежде открыть ее шире хотя бы еще на сантиметр. Отчаявшись и поняв, что ему придется довольствоваться таким проходом, с обреченной гримасой протиснулся внутрь. Плюхнувшись на диван, ночной пассажир огляделся по сторонам и сказал:

- Ничего, хорошее купе, правда, дороговато, но у меня нет другого выхода, в обычный плацкарт с моими габаритами я все равно не влезу. Вы уж извините меня за то, что я такой неуклюжий, я стесню вас только до утра и потом выйду. А вы далеко едете? – осведомился он.

- До конца.

- Ого, в столицу? Так далеко - и на поезде. Вы, наверное, самолетов боитесь?

- Почему? Самолетов я не боюсь, просто отчет удобнее в дороге обработать, а то приедешь, там уж некогда будет, да и отдохну маленько.

Попутчик понимающе кивнул головой и опять начал извиняться:

- Ничего, я только до утра, а там опять отдыхать будете.

Мне стало как-то неудобно.

- Да перестаньте извиняться, вы меня самого ставите в неловкое положение.

Большой человек замолчал, посмотрел в окно, а потом со вздохом сказал:

- Наверное, это привычка, я всегда всем мешаю.

Было видно, что у него что-то случилось и, скорее всего, он хочет этим поделиться с кем-нибудь, а случайный попутчик – отличная кандидатура, чтобы рассказать ему то, чего нельзя рассказать знакомому человеку. Попутчик, которого ты больше никогда не увидишь, просто выслушает и все. Он не сделает из этого выводов относительно собеседника, которые могли бы повлиять на их дальнейшие отношения, потому что отношений нет. Не будет искать себе из услышанного выгоду, потому что выгоды тоже никакой нет.

Моего попутчика звали Пал Иваныч; он в самом деле был энергетиком, возвращающимся из командировки домой.

- Я здесь часто бываю, - говорил он, разворачивая свертки с едой и раскладывая их на столе, предложил мне разделить с ним трапезу, иначе ему будет неудобно есть одному.

Я было сначала хотел отказаться, но этот с виду неуклюжий, огромный человек подкупал своей искренностью и открытостью. Мне совсем не хотелось его обижать, к тому же, вопреки ожиданиям, всевозможные, невероятно пахнущие копчености были завернуты как будто женской рукой в белоснежные платочки и вызвали жжение в желудке. Поэтому я с удовольствием попробовал всего понемножку.

- Я здесь часто бываю, - продолжал он. - В командировки постоянно посылают. Хотя нет, вру, никто меня не посылает, я сам напрашиваюсь. Нравятся мне эти места, красиво здесь. К тому же, ну как бы воспоминания что ли. Короче, связано у меня с этим местом много. - Попутчик замолчал, некоторое время задумчиво смотрел в окно и хмурился. Потом налил в стаканы немного водки. - Видите ли, у меня сегодня годовщина, - он споткнулся на полуслове, - ну, в общем, как сын умер, поэтому прошу вас помянуть его со мной.

Я ничего не ответил и молча выпил водку. В таких случаях я всегда молчу, нет ничего более глупого, чем говорить что-то сейчас, человек сам все расскажет, а я буду молчать и слушать.

- Нет, я, конечно, понимаю, - говорил Пал Иваныч, - горе горем, но умирают все: и старые, и молодые. Молодых жалко, ох как жалко! Кого война забирает, кого болезни или несчастный случай. Да если бы даже так – и то ладно. А тут говорить стыдно, ох как стыдно: вырастил наркомана. Где проглядел – до сих пор не пойму. Все ему, все для него. Квартиру надо – пожалуйста, вон бабушка померла, живи – не хочу. Машину надо – пожалуйста, бери мою. Только работай, не колись! А он все свое, насадит полный салон этих шакалов – и к цыганам за ханкой, - попутчик повернулся ко мне. – Извините, это я уже у них нахватался. Скажите, я не раздражаю вас своим нытьем?

- Нет, нет, нисколько, - ответил я и чуть было не сказал, что мне даже интересно, и, прервав паузу, спросил:

- Как же так вышло?

- Как вышло? – он вздохнул. – Да я и сам не знаю. Сначала все было прекрасно. Видите, какой я большой? Представьте себе, какой у меня был сын, настоящий гигант. Когда он работал на даче, соседи открывали рты от удивления, с какой легкостью он ворочал бревна.

Большой человек замолчал, воспоминания отражались на его лице задумчивой, грустной улыбкой.

- А потом, а потом... что-то произошло, началось какое-то постоянное раздражение, недопонимание. Витька как будто стал отдаляться. Мы думали – ладно, переходный возраст.

***

Ил странный день, первый день после выпускного. Было пусто и тихо; солнце садилось, высушив за

день цветы, разбросанные вокруг, - этот стихийный гербарий, почему-то не убраный дворниками с утра. Все перемешалось, и уже было не понять, где те цветы, которые разгоряченные вином вчерашние школьники бросали под ноги своим учителям, а где иные, оставшиеся после похорон Большого Димчика. Как странно: кого-то выпускали в этот свет, а кого-то отпевали на тот.

Вчерашняя радость сменилась грустью и какой-то неопределенностью. Как будто старый смысл жизни пропал, а новый еще не появился. Эта пауза вызывала некоторую депрессию. Не надо было идти в школу, списывать домашнее задание, выкручиваться на экзаменах, не надо было делать вообще ничего. И мы впервые задумались: а что же дальше? Как быть? Что делать? У нас, так называемой босоты, выбор был невелик: армия, работа, может быть, институт на какое-нибудь дешевенькое непрестижное отделение, если, конечно, у родителей будут в этом году деньги, ну или...

А вот и или. Теннисный мячик, до этого лениво перебрасываемый с одного конца стола на другой, упал на землю, и все глядели в одну сторону. Из подъезда вышла Лизка. В районе ее знали и хотели все. Но она была подружкой местного авторитета Коляна, на которого до известного момента работал Большой Димчик, но его не стало, и теперь спущенное заднее колесо у черного, затонированного со всех сторон «Мерседеса» представляло для Лизки большую проблему. Она долго звонила, потом опустила руки и беспомощно оглянулась по сторонам.

Пацаны тихонько посмеивались:

- Вот бы посмотреть, как она колесо менять будет.

Витька все это время сидел молча, он смотрел только на нее и ничего больше не видел, не слышал и не чувствовал. Не чувствовал, как друзья тянули его за одежду обратно, не слышал, как они говорили:

- Не лезь, пусть сама разбирается, а то Колян еще не так поймет.

Он просто встал и пошел к ней, пропуская мимо ушей последние слова.

- Ладно, Витек, увидимся на твоих похоронах.

Даже не понимая, но чувствуя, что говорят они это не потому, что боятся за него, а потому, что сами хотели бы вот так встать и пойти к ней. Хотели, но не могли, может, из страха или из чувства неуверенности в себе, осознавая большую разницу между собой и той женщиной, которую втихаря рисовали на стенках школьных туалетов и для большего сходства подписывали внизу имя.

Витька в этот момент почему-то вообще ни о чем не думал, он просто шел вперед. Он видел красивую женщину, которой нужна помощь. Его тянуло, как магнитом, к ней, к этому черному «Мерседесу», к этому образу жизни. Возможно, он захотел стать причастным ко всему вышеперечисленному, о котором все остальные только мечтают, но ничего не могут сделать. Что-то щелкнуло у него внутри, что-то произошло, когда он увидел беспомощность Лизки перед обычной бытовой проблемой, он понял, что здесь что-то не так, что со смертью Большого Димчика, на которого Витька, по словам друзей, был очень похож, механизм их жизни сбил, захромал. На этом фоне то, что он увидел, выглядело как шанс, и он знал, что будет, кстати, и его не прогонят. Он все это знал, но не думал об этом. Раз промелькнувшая мысль, какое-то сравнение или неосознанное желание оседали где-то там, в глубине мозга, постепенно складывая тематическую мозаику, которая, разрастаясь в разные стороны, теснила другие аналогичные формирования, имеющие иную направленность. Поэтому он не мог и не хотел понимать, что делает, как будто это было совершенно обычным явлением, которое совершаешь

каждый день и которое не вызывает никаких мыслей и сомнений.

По сравнению с Виктором Лизка была как ребенок: при своем немаленьком росте она лишь доставала ему до подбородка. А когда, обернувшись, увидела перед собой стену с надписью «Адидас», испуганно отступила назад и, получив возможность увидеть лицо и глаза стоящего перед ней, с позволения сказать, человека, успокоилась.

- Вот, - сказала она с грустной улыбкой. И, разводя руками, показала на колесо. - Пшик - и ехать не хочет.

Витька, с трудом оторвал взгляд от ее спокойных голубых глаз и посмотрел вниз:

- Откройте машину.

Лизка пикнула сигналкой.

В багажнике было все - туфли, какая-то одежда, странный предмет, напоминающий лампу Аладдина, и даже запаска, не было только домкрата. На Витькин вопросительный взгляд девушка ответила не сразу и, почесав думающий, судя по морщинкам, лоб, наконец, сказала:

- А, ну да, нет домкрата, его Колян куда-то задевал.

Виктор вспомнил, что на днях был слух о том, как Колян разбил кому-то башку домкратом и выбросил его в речку как вещественное доказательство. Он представил себе, как, наверное, тот чертыхался, ища в этом бедламе хоть что-то подходящее для совершения данного злодеяния, и ему стало смешно; вытаскивая колесо, он отвернулся и, подавив улыбку, уже серьезно сказал:

- Сейчас я что-нибудь придумаю, посидите пока в машине.

Лизка послушалась и из открытого окна с интересом наблюдала, как Витька ищет посторонние предметы, благо в старых дворах таких предметов навалом. Люди ремонтируют квартиры, что-то меняют, переделывают,

ломают лишние стены, а строительный мусор и всяческий хлам просто вытаскивают на улицу со словами «завтра уберу», но через некоторое время их перестает интересовать судьба этих предметов, коих накапливается во дворах великое множество ввиду отсутствия к ним интереса у коммунальных служб. Все меняется лишь весной, когда шумные школьники скидают весь этот хлам в грузовики, которые увезут его туда, куда давно уже должны были увезти его владельцы, теперь радостно взирающие на субботник из окон своих отремонтированных квартир.

Витька сначала остановился на штабеле старого кирпича, аккуратно сложенного возле подъезда, но, оглянувшись, увидел чурки различных размеров, валявшиеся в беспорядке возле пня. Еще несколько дней назад они составляли ствол высокого тополя, который, вначале принося эстетическое наслаждение, позже стал приносить лишь аллергию. Поэтому неделю назад работник ЖЭКа и мастер на все руки Люлькин убил его и расчленил бензопилой за бутылку водки. Выбрав чурку по размеру, Витька поставил ее рядом с «Мерседесом».

- Лиза, у вас есть перчатки?

Она вышла из машины.

- Да, я думаю, что-то найдется, - и, порывшись в багажнике, подала ему зимние меховые варежки, - вот такие пойдут?

- Нет, мне они не пойдут, они пойдут вам, сейчас я подниму машину, а вы подтолкнете чурку вот сюда, хорошо?

Лиза недоверчиво сдвинула брови:

- Ну, ладно, давай попробуем, - надела варежки и присела на корточки возле машины.

Знаете, у женщин есть различная одежда: есть так называемая броня – кофточка с длинным рукавом, воротником под горло и джинсы; такая одежда вообще совершенно неинтересна, она не оставляет никаких шансов

и не содержит в себе ничего, кроме удобства при ходьбе. Но есть другая одежда – жутко неудобная, вечно куда-то сползающая, задирающаяся и сковывающая движения. Это, скорее всего, даже не одежда, а какая-то ширма. Женщина усердно закрывается ею в различных положениях, когда стоит, идет, сидит, поднимается по лестнице или наклоняется. И каждый раз ширму надо держать в определенном месте и определенным образом, соблюдая плавность перехода от одного положения к другому. Все это надо хорошо знать, помнить и не перепутать. Но это не так просто, и иногда происходят ошибки, вероятно, ради которых эта одежда и создавалась, поэтому не исключено, что женщины иногда нарочно допускают такие, казалось бы, непростительные оплошности. Кто знает?

Лиза носила именно такую одежду и не могла не знать, что нельзя садиться на корточки перед мужчиной в мини-юбке и блузке с расстегнутыми, как обычно, двумя верхними пуговичками. Наклонившись, чтобы поднять машину, Витька увидел пухлые груди в белоснежных кружевах и маленькой шоколадной родинкой чуть-чуть сбоку, а ниже такой же кружевной треугольник, как свет в конце тоннеля, как вход в иное измерение, создаваемый тремя хорошо известными плоскостями. Он зарычал, зажмурился и, задрав «Мерседес» в два раза выше необходимого, услышал Лизкин голос:

- Все, все, я уже подставила.

«Еще как подставила», - подумал Витька, опустив машину.

Пока он менял колесо, Лиза стояла сзади, наблюдая за работой, и как-то внимательно изучала своего внезапного помощника. Через пару минут все было закончено, и она полезла в кошелек.

- Нет, нет, я денег не возьму.

Девушка остановилась:

- Почему?

- Понимаете, ну это вроде как долг, что ли. Колян ведь наш старшак, мы с ним в одной школе учились, в одном дворе живем. Когда нас еще детьми в другом районе встречала местная шпана, мы говорили, что знаем Коляна, и инцидентов не было, поэтому деньги здесь неуместны. Если можно, дайте сигарет для пацанов.

Лиза вытащила пачку каких-то элитных ядовитых палочек, всю обклеенную ярлыками, пломбами, голограммами и, подавая Витьке, спросила:

- Так ты для Коляна старался?

Он молча опустил глаза.

- Ладно, спасибо, увидимся еще. Нагнись-ка, я тебя поцелую.

Виктор хотел было сказать, что это лишнее, но промолчал и, нагнувшись, почувствовал на щеке нежное прикосновение.

Когда машина уехала, он, возвращаясь в реальность, поплелся к своим друзьям. Пацаны как-то осторожно завистливо подшучивали, но, увидев, что товарищ не обращает на них внимания, курит и задумчиво смотрит в сторону, тоже замолчали и задумались. Все понимали, что теперь они уже не друзья, а просто бывшие школьные товарищи, связующее звено между ними пропало, скоро они разбегутся кто куда, и этот процесс разделения уже начинается.

***

Пал Иваныч взял со стола стакан, покрутил его в руках, глядя на него с каким-то горьким выражением лица, как будто он был во всем виноват.

- С вашего позволения, я еще выпью, - сказал попутчик и налил себе водки. - Вы знаете, я уже целый год никому об этом не рассказывал, ну, с тех пор, как... - его голос сорвался, он откашлялся, - как все закончилось. А было

время, каждому встречному рассказывал, делился горем, что ли, ждал какого-нибудь дельного совета в надежде на лучшее. Жене вообще в глаза смотреть не мог, как будто это я сам наркоман.

Мой собеседник рассказывал медленно, немного подкашливая; он производил впечатление человека живого, нервного, но уставшего от своих собственных эмоций.

- Вы курите? – спросил Пал Иваныч.

Я кивнул.

- Может, выйдем подышим?

Мы вышли в прохладный тамбур. Стук колес, в вагоне глухой, неярко выраженный, здесь звонкий и отчетливый, как будто отсчитывал заснеженные пихты, выхваченные из темноты светом фонарей, пролетавших мимо окон.

- Вы часто ездите в поездах? – поинтересовался он, раскуривая сигарету.

- Нет, - ответил я, - очень редко. – И подумал, что в самом деле даже не припомню, куда последний раз ездил на поезде.

- Оно и видно, - отозвался попутчик, - видно, как вас дорога зачаровывает. А я вот часто езжу, и все равно, как посмотришь в окно, такая грусть охватывает, не та, которая в городе от нечего делать или еще что, а настоящая русская, душевная, без которой русский человек уж и не русский вовсе, а космополит проклятый. Да, далеко вам ехать, - сказал он со вздохом. – Я вот тоже так ехал в Москву два года назад, сына лечить повез. В те годы, как я уже говорил, каждому жаловался. И один мой старый друг так мне сказал: «Если тебе сын нужен, то продавай все свое имущество и лечи сына, а ныть ходить толку мало. Все одно в могилу свое богатство с собой не заберешь; коли вылечат, так он сам все себе заработает, как мы когда-то, а не вылечат, так и не нужно, стало быть, это никому». «Я ему отвечаю: Да все бы отдал, но ведь никаких гарантий нет, вдруг все зря»? Тогда он разозлился и сказал, что я не швейную машинку в

магазине покупаю, чтобы гарантий требовать. Долго мы с матерью думали, и так, и так прикидывали, и как ни прикидывай, а прав мой друг: для сына мы все это копили, пусть теперь сыну и послужит. Ну, и продали, продали все подчистую: бабкину квартиру, машину, гараж, дачу, свою трехкомнатную на однокомнатную с доплатой поменяли.

Попутчик замолчал. Мы докурили и, слегка продрогнув, пошли греться в купе.

Когда шли по коридору, я смотрел на идущего впереди огромного человека и не мог представить себя на его месте. Работать всю жизнь только для того, чтобы потом отдать все свои деньги какому-нибудь шарлатану в надежде на чудо? Да, в этом есть что-то библейское.

***

С утра было сыро и мерзко, моросил мелкий дождик, добавляя еще больше грусти в душу провалившегося абитуриента. Витька шел домой, сгорбившись, сунув руки в карманы куртки.

«Да, не дал Бог ума, - размышлял он про себя. - На бюджетную группу одни отличники прошли, и то не все. Разрядников хорошо на спортфак брали, а КМС - вообще без экзаменов. А я так всю школу и проболтался; то одно не нравилось, то другое, нигде результатов не добился. Да я и так любого напополам сломать могу, а тренеры меня гоняют наравне с остальными бездарностями, на черта мне это надо? Вот на платную - там хоть кого берут, но денег нет. Сейчас домой приду, отец скажет: «Ну, что поделаешь, годик поработаешь, поучишься, а если повестка придет - тоже не беда: послужишь Родине. Два года - чепуха, быстро пролетят. А потом опять попытаешься». Нет, нет, это не выход, жуткая перспектива; если пойду на работу, завязну там с головой и учиться уже точно не стану, и знания мои там никому не нужны. Черт побери, зачем мне вообще какие-

то знания, когда мне от природы дана такая сила – вот мое будущее, вот мой товар, который надо продать, да подороже. Здесь вряд ли; в Москву, только в Москву, на бои без правил. А в армию пойдешь – даром здоровье отдашь, вернешься, ладно без башки, моя все равно никому не нужна, а если руку потеряешь или ногу, тогда все, конец. Нет, спасибо, я уж как-нибудь так. Пусть сначала придется от военкомата побегать, зато потом, как деньги заработаю, навсегда откуплюсь».

Он разговаривал сам с собой и не заметил, как сзади подъехал «Мерседес» Коляна.

- Эй, Витек, ты что такой убитый, жизнь, что ли, не мила?

Витька обернулся:

- А, Колян, здорово!

- Что хмурый такой?

- Ты правда интересуешься или так просто спрашиваешь?

Колян усмехнулся:

- А ты, Витек, как хочешь, так и понимай. Если расскажешь, послушаю, может, чем и помогу, а скажешь, что ничего, все нормально, и такой ответ сойдет, пытаться не стану.

Витька несколько секунд подумал и сел в машину, впереди сидела Лизка.

- Здравствуйте.

- Здравствуй, - промяукала она, глядя на него в зеркало.

Он никогда еще не ездил в такой машине: было тепло, мягко и совсем тихо. Колян куда-то ехал, крутя руль одним пальцем, и, казалось, совсем не слушал его рассуждений о смысле жизни и вообще. Наконец машина остановилась. Колян повернулся к нему:

- Послушай, ты все правильно рассудил насчет силы, а то, что тебя никто оценить не смог, так это их проблемы, а не твои. Я могу тебе доказать, что и в этом городе есть люди,

умеющие ценить уникальность. Хочешь заработать прямо сейчас на год обучения в своем институте или еще на что, неважно? – и, не дожидаясь ответа, продолжал: – Видишь магазинчик слева, так вот, там мне деньги должны. Они хорошие люди, но просто заблуждаются, их не надо трогать, а просто напугать и все, никакого лишнего беспредела и жестокости. Сможешь симпровизировать?

Теперь и Лизка с интересом повернула к нему свое личико.

- Ну как?

Витька подумал минуту-другую. Потом снял куртку и вышел под начавшийся ливень. Одежда промокла насквозь за считанные секунды. Хлюпая кроссовками и сдувая с лица ручейки воды, он направился к магазину. За ним поодаль с зонтиком шел Колян, заинтригованный таким началом.

Было половина второго, когда сотрудники отдела оперативной полиграфии увидели на пороге своей конторы огромного, совершенно мокрого молодого человека, который с невозмутимым лицом снял с себя футболку черт знает какого размера, сложил ее вдвое и выжал из нее воду прямо на стоящий рядом ксерокс. Аппарат зашипел, засверкал, и из него пошел дым.

- Ага, а вдруг пожар? – сказал молодой человек с наставляющей интонацией. И увидев, что кто-то потянулся к телефону, поднял с пола телефонный провод и порвал его, как нитку. – А вдруг телефон отключили?

Сотрудники, подумав, что он сумасшедший, кинулись было к выходу, но молодой человек, растопырив руки, изобразил звезду, преградив им дорогу.

- А если дверь заклинило? Непорядок, ох, беспорядок, это я вам как инспектор пожарной безопасности говорю.

С этими словами он закрыл дверь на замок изнутри и, подойдя к решетке на окне, по очереди вырвал все четыре дюбеля, которыми она была прикреплена к стене. Потом взял

один ее конец в руки, а другой упер в грудь и сложил пополам, потом сделал это еще раз в поперечном направлении и, демонстрируя сотрудникам получившийся металлический брикет, с укоризной сказал:

- Что бы вы без меня делали? Теперь же радуйтесь, путь к спасению открыт, - и ударом ноги открыл раму в обратную сторону. - Прошу, - сказал он, указывая на окно. Когда в помещении осталась только девушка-секретарша, все это время сидевшая в оцепенении, молодой человек улыбнулся ей и сказал, что она может не вылазить в окно, потому что это формальность. Учение прошло на отлично, и все могут вернуться.

Через пять минут Колян залез в машину и, повернувшись к Витьке, сидевшему на заднем сиденье, замотанному в одеяло, протянул деньги.

- Держи, твоя доля.

Лиза тоже протянула ручку.

- Подожди, малыш, мы с тобой дома посчитаемся.

Она скусилась, как ребенок, и отвернулась.

Колян продолжал:

- Ну ты даешь, тебе только в кино играть, я чуть со смеху не сдох. Так что, едешь в Москву?

- Нет, - ответил Витек, вытирая лицо Лизкиным одеялом из багажника и вдыхая запах ее духов.

***

Я сходил за кипятком к проводнику с заспанной недовольной физиономией, которая сразу поменялась на благодушную, как только его глаза остановились на протянутом ему полтиннике.

Мы заварили крепкий чай и пили его с воздушными самодельными булочками, вытаскивая их из белых платочков моего попутчика.

Пал Иваныч допил чай и откинулся на спинку дивана, потом обвел взглядом купе, как будто что-то вспоминая:

- Да, в таком «СВ» мы и ехали, это была страшная поездка, я как будто вез дикого зверя. Сын лежал вот здесь, - он показал на мой диван, и мне стало как-то неудобно. - Витька крутился, как сумашедший, скрипел зубами и стонал, то сожмется в комок, то резко выпрямится, как будто пытаюсь выдавить из себя эту боль. Иногда затихнет, вроде как забудется, ну, тут и я немножко посплю, а потом все заново. А иной раз так худо станет, говорит: «Все, отец, больше не могу, давай дозу, а то не доеду». Куда деваться, дам и отвернусь к стенке, тошнит просто; все в душе перемешалось: и злость, и обида, и жалость, и ненависть, и, конечно, надежда, как говорится - младшая сестра веры. Однажды он мне сказал: «Знаешь, отец, как легко в такую минуту сделать себе передозу?» Я потом только задумался, почему он мне это сказал и что это значит: легко неосознанно от жадности или легко сделать это специально, чтобы покончить с собой? - попутчик покачал головой. - Не знаю, не знаю. Короче, оставил я его в лечебнице на год.

- А потом? - не выдержал я.

- А потом, - лицо Пал Иваныча стало совсем мрачным и каким-то серым. - А потом, вы не поверите, умерла жена. Да, рак мозга. Лечить ее было не на что, все деньги отдали за сына, да и бесполезно, это как приговор. Умирала она долго, а в последний день так просто чувствовала, что вот-вот уже отойдет, и не отпускала меня никуда, держала за руку. Говорит: «Не пропусти момент, когда умру, будь со мной в последнюю минуту». Я и сидел, молитвы ей всякие читал. Мы с ней в последнее время сильно набожными стали, ну, не то чтобы об пол лбом бились, а в душе. Ведь правду говорят, кому на этом свете уже делать нечего, начинают общаться с Богом, уходят в веру, это самое правильное решение, и сразу как-то легче становится. Тогда смерть

один ее конец в руки, а другой упер в грудь и сложил пополам, потом сделал это еще раз в поперечном направлении и, демонстрируя сотрудникам получившийся металлический брикет, с укоризной сказал:

- Что бы вы без меня делали? Теперь же радуйтесь, путь к спасению открыт, - и ударом ноги открыл раму в обратную сторону. - Прошу, - сказал он, указывая на окно. Когда в помещении осталась только девушка-секретарша, все это время сидевшая в оцепенении, молодой человек улыбнулся ей и сказал, что она может не вылазить в окно, потому что это формальность. Учение прошло на отлично, и все могут вернуться.

Через пять минут Колян залез в машину и, повернувшись к Витьке, сидевшему на заднем сиденье, заматанному в одеяло, протянул деньги.

- Держи, твоя доля.

Лиза тоже протянула ручку.

- Подожди, малыш, мы с тобой дома посчитаемся.

Она скуксилась, как ребенок, и отвернулась.

Колян продолжал:

- Ну ты даешь, тебе только в кино играть, я чуть со смеху не сдох. Так что, едешь в Москву?

- Нет, - ответил Витек, вытирая лицо Лизкиным одеялом из багажника и вдыхая запах ее духов.

***

Я сходил за кипятком к проводнику с заспанной недовольной физиономией, которая сразу поменялась на благодушную, как только его глаза остановились на протянутом ему полтиннике.

Мы заварили крепкий чай и пили его с воздушными самодельными булочками, вытаскивая их из белых платочков моего попутчика.

Пал Иваныч допил чай и откинулся на спинку дивана, потом обвел взглядом купе, как будто что-то вспоминая:

- Да, в таком «СВ» мы и ехали, это была страшная поездка, я как будто вез дикого зверя. Сын лежал вот здесь, - он показал на мой диван, и мне стало как-то неудобно. - Витька крутился, как сумашедший, скрипел зубами и стонал, то сожмется в комок, то резко выпрямится, как будто пытаюсь выдавить из себя эту боль. Иногда затихнет, вроде как забудется, ну, тут и я немножко посплю, а потом все заново. А иной раз так худо станет, говорит: «Все, отец, больше не могу, давай дозу, а то не доеду». Куда деваться, дам и отвернусь к стенке, тошнит просто; все в душе перемешалось: и злость, и обида, и жалость, и ненависть, и, конечно, надежда, как говорится – младшая сестра веры. Однажды он мне сказал: «Знаешь, отец, как легко в такую минуту сделать себе передозу?» Я потом только задумался, почему он мне это сказал и что это значит: легко неосознанно от жадности или легко сделать это специально, чтобы покончить с собой? – попутчик покачал головой. – Не знаю, не знаю. Короче, оставил я его в лечебнице на год.

- А потом? – не выдержал я.

- А потом, - лицо Пал Иваныча стало совсем мрачным и каким-то серым. – А потом, вы не поверите, умерла жена. Да, рак мозга. Лечить ее было не на что, все деньги отдали за сына, да и бесполезно, это как приговор. Умирала она долго, а в последний день так просто чувствовала, что вот-вот уже отойдет, и не отпускала меня никуда, держала за руку. Говорит: «Не пропусти момент, когда умру, будь со мной в последнюю минуту». Я и сидел, молитвы ей всякие читал. Мы с ней в последнее время сильно набожными стали, ну, не то чтобы об пол лбом бились, а в душе. Ведь правду говорят, кому на этом свете уже делать нечего, начинают общаться с Богом, уходят в веру, это самое правильное решение, и сразу как-то легче становится. Тогда смерть

воспринимается не как горе, а как освобождение что ли, а иначе просто мозг не выдержит. Сжала она мне руку в последний раз и отпустила. Сажу я, смотрю, как будто спит. Плакать бы, да слез что-то совсем не осталось, пустота вокруг, пустота в душе, как будто один на всем белом свете остался. Слышу, кто-то колыбельную поет, прислушался, так это же я.

Попутчик замолчал и, уставившись в одну точку, начал мычать про себя какую-то грустную песню.

***

На лавочке сидел большой человек, модно одетый под латиноса в белоснежную шелковую рубашку и черные свободные брюки, из-под которых торчали остроконечные туфли с золочеными пряжками. Он разглядывал анютины глазки, росшие на клумбе прямо перед ним. В этом человеке вы вряд ли узнали бы вчерашнего босого Витьку - все лето в одной футболке и трико по три копейки. Он курил дорогие сигареты, те самые, которые дала ему Лиза еще в первую их встречу. Нет, не такие же, а именно те самые, он сохранил оставшиеся и курил их только тогда, когда думал о ней. Но не всегда, потому что в этом случае ему не хватило бы и тысячи пачек. И теперь он поймал себя на мысли, что среди множества разноцветных анютиных глазок он ищет голубые - Лизкины.

«Витяня - Маленькие Ручки», как теперь в шутку называла его братва, вспоминал прошедший день. С утра Колян всучил ему список дел на два дня вперед со словами:

- Вот, Витяня, держи, сделаешь все сам, тут все гладко, никаких вопросов не будет. А мне в центр подорваться надо на пару дней, так сказать, по политической части, - и засмеялся.

Вы видели когда-нибудь человека, который не заканчивает смеяться по нисходящей, постепенно гася

неистовое веселье в тихий смех, потом в улыбку и так далее? Но человека, не обладающего инерционностью чувств? Который перестает смеяться мгновенно и тут же переходит к деловому разговору, злости или еще какой-нибудь другой форме настроения, отличной от веселья? Колян имел именно такую странную привычку. Может, это в самом деле была его суть, а может, просто рекламный ход, какая-то искусственно выдуманная особенность как составляющая имиджа. Но в любом случае это производило определенный эффект. Оставляло у не всегда успевающего за переменной настроения собеседника чувство того, что этот человек говорит не то, что думает, и от него в любой момент можно ждать чего угодно.

Так было и в этот раз. Колян, не успев еще даже вздохнуть после смеха, нахмурился и моментально выпалил:

- За Лизкой гляди в оба, если что, сам знаешь, ответишь как за мать! Понял?

- Понял, - ответил Витяня, когда джип Коляна уже скрывался за углом.

День прошел быстро. Переделали весь список до обеда, после спортзала и бассейна заехали в магазин, где Лизка накупила всяких плюшевых зверюшек на присосках, и со словами: «Мне это напоминает детство», - утыкала ими стекло в «Мерседесе».

И сейчас, проводив ее домой, Витяня сидел и думал. Он хотел встать и пойти, но сомневался, потому что знал, куда он пойдет. Уже несколько раз ноги напрягались, но, не дождавись команды, возвращались в исходное положение.

- Нет, наверное, сразу я на это не решусь. Надо разбить вопрос по частям. Сейчас пойду пошатаюсь у нее под окнами, вдруг на балкон выйдет или еще что.

При мысли об этом ему стало легче, он встал и не спеша направился к Лизкиному дому.

Два, три рейса под ее балконом ничего не дали, и теперь он оказался возле хорошо знакомой двери, упершись рукой в стенку около звонка и держа палец в полусантиметре от кнопки.

Да, это еще труднее, чем встать с лавки, последний этап ни на что не разобьешь. Хотя почему? Можно спросить что-нибудь более-менее правдоподобное. Но палец предательски дрогнул и нажал на кнопку звонка, не дав ему собраться с мыслями.

- Кто там?

- Лиза, это я.

- Что случилось?

- Да нет, нет, ничего, просто у меня есть время свободное, если тебе что-то надо, то я могу сделать.

Лиза помолчала:

- Ну, не знаю, мне, в общем-то, ничего не надо.

- А, ну нет, так нет, просто мне делать нечего, да и Коляна сказал, ну, в общем... - Витька совсем запутался и заглох, как трактор.

Девушка долго возилась, а потом сказала:

- Слушай, у меня тут с замком что-то, крутилка вот отвалилась.

- Да ты не беспокойся, я сейчас уйду, не хочешь открывать, не надо, все, все, я ушел.

Когда Витька вышел из подъезда, Лиза окликнула его с балкона:

- Витяня, ты куда собрался? – тот пожал плечами, - вернись и открой дверь, - сказала она, кинув ему ключи.

Виктор никогда не был у Коляна, вычурная обстановка поразила его своей дороговизной, всяческими старинными диванами и креслами с резными ножками и деревянными стенками, увешанными картинами.

Лиза усадила его в кресло и внимательно смотрела:

- Ты зачем приходил?

- Просто так.

- «Просто так, просто так», - она встала и в задумчивости прошла по комнате, потом подошла к Витьке вплотную и, глядя ему в глаза, заговорила резким, жестким голосом, которого он еще никогда не слышал. - Ну, вот что, Витяня, мы не для того тебе свои жизни доверяем, чтобы ты мычал и выкручивался, когда тебя спрашивают, говори все, говори прямо, как есть.

Сбитый с толку таким поворотом, Витька выпалил:

- Просто я хотел тебя увидеть, потому что я тебя люблю, я не могу без тебя, - и быстро поцеловал ее.

Лиза глубоко вздохнула и выпрямилась:

- О, Господи, этого мне только не хватало.

Подошла к окну и долго смотрела на улицу. Потом повернулась и, присев на подоконник, спросила:

- С чего ты это взял? Почему ты так решил?

- Потому что я все время думаю о тебе, я не могу не видеть тебя хотя бы раз в день, - прохрипел Витька, не поворачиваясь к ней.

- Ты знаешь, что будет, если об этом узнает Колян?

- Знаю, но все равно пришел, наверное, это что-то значит?

- Ну, и что ты предлагаешь?

- Ничего, просто я очень хочу тебя.

- О да, предложение, достойное настоящего мужчины.

- А что здесь такого? - запротестовал он. - Почему я должен стесняться своих естественных потребностей?

Лиза начинала нервничать:

- Вот давай только не будем чесать про естественные потребности, я тебе не еда какая-нибудь, чтобы утолять твои потребности.

Они замолчали. Пауза затянулась, и Витька, не выдержав, спросил:

- Ты скажешь мне что-нибудь?
- И что тебе сказать?
- Ну, хоть что-нибудь: да или нет.
- А если я скажу «нет», ты что, будешь меня насилловать?
- Я? Я скажу тебе, что буду делать: я поеду за ханкой, а потом вмажусь, вот и все.

У Лизки перекосилось лицо:

- Ты что болтаешь? – она накинулась на него с кулаками.
- Дурак, ох какой же ты дурак, дебил здоровый!
- А что тут такого, вам можно, а мне, значит, нельзя? – не унимался тот.

У девушки опустились руки:

- Что, что? Откуда ты знаешь?

Витька молчал.

- Ты что – мне ультиматум ставишь?
- Ну, ты это как хочешь, так и понимай, я сказал: сделаю, значит, сделаю.

- Я все понимаю, - сказала Лиза тихим голосом. - Послушай меня внимательно и не перебивай. Ты ведь думаешь, что меня Колян на иглу посадил, чтобы я от него никуда не делась? Ты просто ничего не знаешь, а понять не сможешь никогда. Я ведь кто? Сирота девчонка, без роду без племени. Какой у меня был выбор? Или на фабрику сучильщицей-мотальщицей, или на панель – поцелуй меня в целлюлит. А Колян меня подтянул, воспитал. Накормил и согрел. И я ему за это благодарна, но дело даже не в этом, а в том, что я люблю его как жизнь. Я начала колоться потихоньку, тайком от него, потому что хотела разделить с любимым человеком все без остатка: образ жизни, привычки, радости и горести. Если ты погружаешься в эту жизнь, то должен прожить ее полностью, без остатка. Это там, наверху, люди могут и работать, и воровать одновременно, а мы здесь, внизу, должны выбирать что-то одно. Либо вкалывать всю жизнь – и так и не прожить свои

десять лет в достатке и благополучии, ни в чем себе не отказывая, либо прожить их сразу, а потом конец. Так вот, Колян хотел дать мне возможность жить дольше. Когда он узнал, что я начала употреблять, то первый раз ударил меня, было очень больно не физически, а морально. А на следующий день он принес мне книги и сказал, что я буду учиться днем, а вечером рассказывать ему о прочитанном, только в этом случае я буду получать деньги. Понимаешь, обычно мужчины делают иначе: они привязывают женщину к себе, лишая ее всяких шансов жить нормально после своей смерти, физической или моральной, и она становится просто рабыней. Мне же дается полная свобода. Я могу делать то, что хочу, иметь все, что мне хочется, открывать счет в банке и копить деньги на будущее. Колян говорит, что если я сдам ему экзамен по юриспруденции, то он отдаст мне диплом, который уже купил для меня. И обеспечит практику. Я для него все: и сестра, и мать, и дочь, и жена в одном лице. Поэтому я тебя понимаю. Ты влюбился в меня и хочешь приблизиться ко мне, переняв мой образ жизни, хочешь сделать себе больно, чтобы я почувствовала, на что ты готов ради меня. Но теперь ты понимаешь, что все не так, как ты думал? И этим ты только оттолкнешь меня.

Ей стало плохо, и она вышла на балкон.

«Колян все равно посадит его на иглу. Кто он для него такой? Рабочий материал. Но пусть это случится без моего участия, а то я потом не отмолюсь», - подумала она, глядя на звезды и, перекрестившись, зашла в комнату.

- Да, кстати, никогда не спрашивай у женщины «да» или «нет». Мы можем ответить «нет», но «да» ответить очень трудно. Положительным ответом всегда бывает молчание, - и, заметив немедленную, бурную реакцию своего собеседника, вытянув руки вперед ладошками, быстро сказала, - Нет, нет, ты меня неправильно понял.

Через несколько минут Лиза лежала на диване, свернувшись в комочек и, зажав руки между ног, стонала:

- О, Господи, Господи, как больно.

Витька стоял перед ней на коленях:

- Прости, прости, Лизонька, котенок, я же не знал, что ты такая маленькая.

Лиза вытирала слезы и шмыгала носом:

- На-а-а-до про-о-о-сто аккуратнее, вот и все.

Он взял ее на руки и начал укачивать, как ребенка. Лизка еще какое-то время всхлипывала, но потом затихла и, наплакавшись, уснула.

***

Попутчик, как будто опомнившись, глубоко вздохнул и продолжал:

- С тех пор я стал жить только надеждой на сына и, не дождавшись оплаченного срока, поехал в лечебницу. Меня встретил тот мой настоящий сын, которого я растил и с которым мы были так близки. Уже перед самым отъездом врач меня предупредил, что это видимое равновесие очень хрупко, человек в таком состоянии как ребенок, ему нужен постоянный контроль: «Иначе при каких-нибудь незначительных расстройствах он может вернуться в исходное состояние. Поэтому будьте все время с ним, не отпускайте его ни на шаг. А в дальнейшем его необходимо женить, желательно на какой-нибудь сильной, волевой женщине, чтобы он всегда находился под влиянием, теперь это его судьба, и она целиком зависит от вас. Ну, с Богом!» - и мы вышли за ворота. Мы возвращались. Я хорошо помнил наказ доктора и, бросив работу, поселился с сыном в домике спасателей в тайге, ну там, где я сел, - сказал Пал Иваныч, показывая пальцем в ту сторону, откуда ехал поезд.

Я смотрел на него и думал. Интересно, как различные воспоминания могут так быстро менять человеческое

настроение, попутчик менялся в лице уже несколько раз в зависимости от драматичности рассказываемого эпизода.

- Да, - говорил он с улыбкой, - не было в моей жизни счастливее времени. Почти угасшая надежда снова вернулась. Как мало надо человеку для счастья, ведь пока имеешь - не ценишь, а потеряешь - плачешь; всем известная истина, но знать одно, а испытать на себе - совсем другое. Это как заново родиться и попасть в детство, только то первое детство - оно неосознанное, его воспринимаешь как должное, а второе - как манна небесная, как божья милость, и поэтому приносит счастье. На могиле матери мы поклялись быть вместе, и мы были вместе всю ту долгую снежную зиму: чистили дорожки, топили печку, обогревая замерзших туристов, и слушали их рассказы, когда оставались одни, читали книги вслух по очереди, играли в шахматы и строили планы на будущее. - Рассказчик посмотрел на часы и, потянувшись, сказал: - Вот и ночь пролетела, мне уж скоро выходить, - и начал собираться, складывая оставшуюся еду в платочки и завязывая их кончики между собой крест-накрест. - А потом приехали школьники, приехали на каникулы и привезли с собой весну, бурную, молодую и веселую, как они сами.

Завязав все узелки и сложив их в сумку, Пал Иванович сел в ожидании своей остановки и посматривал в окно, узнавая знакомые места.

- Ну вот, значит, - выдохнул он. - Смотрю: расцвел мой сынок. Девчоночка ему одна приглянулась: молоденькая, худенькая, одним словом - десятиклассница. Ей еще восемнадцати нет, а мой-то бугай здоровый, как танк, да и ему тогда уже почти двадцать пять было. То здесь его с ней увижу, то там. Я ему говорю: «Ты ведь знаешь сынок, кто тебе нужен, а она сама еще ребенок». Он же отвечает: «Так, может, это еще лучше будет, чем всю жизнь под надзором ходить, поскольку ответственность за другого человека

предполагает жесткий самоконтроль и дисциплину. К тому же напоминает мне она одну женщину, понимаешь, как две капли воды похожи. Я даже сперва не поверил, что так может быть, а потом подумал, может – судьба. Ведь на земле все не так просто делается, а с каким-то умыслом». Мне трудно было ему возразить. И я отпустил его в город.

***

«Мерседес» несся по проселку, поднимая за собой тучу пыли, как дымовую завесу времен первой мировой. Сквозь плюшевый зоопарк, болтающийся перед глазами на кочках, иногда даже была видна дорога. Колян, сгорбившись над баранкой, крутил ее то вправо, то влево, не давая обогнать себя севшей на хвост шестерке.

- Ничего, сейчас на трассу выскочим, в три секунды оторвемся, а я уж потом разберусь, я всем рамс раскачаю. Если начнут стрелять, тут везде титановые пластины понатыканы: и в дверях, и в спинках, поэтому что бы ни случилось, от сидушек не отрываться.

Машина выскочила на трассу, как заяц из кустов. Колян дал газу, раз, два, три – и шестерка была уже черт знает где позади.

- Стой, стой, тормози!

Перед глазами мелькнул трактор, выползающий на дорогу с обочины. Сила инерции от удара была ужасна. Витьку, смотревшего в заднее стекло, бросило спиной на сидушки и так прижало, что некоторое время он не мог двинуть ни рукой, ни ногой. Прямой удар спас автомобиль от переворота, и два агрегата, сцепившись вместе, проехали несколько сот метров по дороге и остановились. Тут же полетели пули, звонко шелкая о титан. Шестерка остановилась сзади. Нападавшие, не рассредоточившись, стреляли прямо из машины. Это экономит время при отступлении, когда бывает дорога каждая секунда, но в

данном случае такая тактика себя не оправдала. Витька, уже все это время державший в руке автомат, просто высунул его в окно и, направив в сторону противника, нажал на курок. «Семь шестьдесят две на тридцать разрывных» в мгновение превратили шестерку в пылающий шар. Он огляделся по сторонам. Колян лежал на руле и не подавал признаков жизни. Витька быстро откинул спинку и осмотрел Лизу: видимых повреждений не было, она дышала, но была без сознания. Он вытащил ее из машины и, прижав к себе, побежал в лес, чувствуя на шее ее дыхание. Под ногами зачавкало болото, он споткнулся и упал на колени. Лиза очнулась и смотрела на него не моргая. Потом как-то обмякла, и Витька перестал чувствовать это легкое дуновение, этот свежий ветерок, отделяющий жизнь от смерти и счастье от горя. И в безоблачном небе, и в весеннем ручейке, и в цветах на клумбе - теперь всегда и везде Витька будет искать голубые Лизкины глазки. Он чувствовал, что его засасывает, он погружается в трясины.

***

- А когда я через неделю, дождавшись сменщика и сдав дела, открыл дверь своей квартиры, - продолжил Пал Иваныч, - в нос мне ударил все тот же знакомый запах уксусного ангидрида. Я где стоял, там и сел, сердце не выдержало, перед глазами все плывет: сын, дружки его. Все смотрят на меня стеклянными глазами, никто даже скорую не вызвал. Я сам кое-как до телефона дополз. Так увидели, разбежались, думали, в милицию звонить буду. На следующий день ко мне в больницу пришла соседка, долго мялась, а потом все-таки сказала, что сын умер. Она нашла его утром в подъезде: он сидел на корточках возле стены, сунув руки в карманы куртки. И вы не поверите, но мне стало легче, я понял, что это избавление уже окончательное и бесповоротное. Тогда я вспомнил тот разговор, когда он

сказал, что легко сделать себе передозировку в таком состоянии, и все понял, - большой человек мотнул головой и хмыкнул, выражая удивление. – Надо же, я уже совсем не плачу и не расстраиваюсь, а лишь немного грущу, и вправду говорят: время все лечит.

Он посмотрел в окно:

- Ну, вот и моя станция, спасибо, что выслушали, вы отличный попутчик, - сказал отец и показал большой палец, потом пожал мне руку, пожелал всего доброго и вышел. Через минуту он, проходя по перрону мимо окна нашего купе, улыбаясь, помахал мне и, подойдя к маленькой женщине, ожидающей его у выхода, вероятно, той, которая завязывала в платочки всяческие вкусности, обнял ее одной рукой и, подняв над землей как ребенка, начал ей что-то говорить.

Мой поезд тронулся, и Пал Иванович ушел в прошлое вместе с перроном и с женщиной, которая так любит платочки.

За окном опять замелькали заснеженные пихты, сверкающие серебром под лучами показавшегося в первый раз за много дней солнца. Я смотрел на него, щурился и улыбался.

Да, в самом деле, человек за жизнь несколько раз рождается и умирает. То, что раньше казалось догмой и не подвергалось сомнению, было смыслом жизни, в один момент может оказаться неправильным, ненужным и ничего не стоящим убеждением. Как может быть счастлив человек, рождаясь и во второй, и в третий раз, после, казалось бы, уже окончательной моральной смерти, когда после страшных утрат, после горя и страдания, мозг начинает отказываться принимать реальность, когда сердце начинает биться реже, вдруг наступает облегчение, и человек снова счастлив. Он видит то, чего раньше не замечал, он радуется

простым вещам, которые, казалось бы, не должны привлекать к себе особого внимания, таким как голубое небо, ласковое солнышко или зеленая листва. Может, это свойство отдельных личностей, индивидуумов, привнесенная воспитанием духовная сила, нестигаемость, оптимизм? Или это свойство нашего тела, полученное с генами по наследству? Природный механизм абстрагирования, который срабатывает в тот момент, когда человек уже находится на грани эмоционального срыва, который может повлечь за собой необратимые последствия и реанимирует его к новой жизни, подобно кризису, после которого либо лучше, либо конец.

И, напротив, как может быть несчастен человек, который не испытал горя, которому не с чем сравнить свое нынешнее положение. Ему смешно слышать о том, что можно радоваться каждому дню, просто тому, что ты живешь, что ты сыт, обогрет и свободен - для него это вещи, само собой разумеющиеся, он воспринимает их как должное, а радоваться им - это то же самое, что радоваться просто так, без причины, что доступно лишь блаженным.

Наверное, отец сам во всем виноват. Виноват, что не смог должным образом воспитать сына, чтобы он противостоял соблазну, будучи не только сильным физически, но и морально устойчивым. Ведь кто хотя бы раз укололся, неизбежно уколется и еще. Это становится даже не зависимостью, а физиологической потребностью, конечно, не основной, как сон или пища, но второстепенной, как желание женщины или жажда тепла в холодную зиму. Без этого можно обходиться какое-то время, но при первой же возможности организм, находящийся все это время в ожидании, срывается, эмоции преобладают над разумом, и тогда начинается все заново. Это очень напоминает борьбу с лишним весом или тяжелую хроническую болезнь вроде

диабета. Так почему здоровые молодые люди добровольно идут на это? Может, потому, что им никто не объяснил, не рассказал? Нет, неправда, везде об этом только и говорят. Тогда, может, им рассказывают о вреде наркотиков не те люди? Люди, которых молодежь не воспринимает и не уважает в известном смысле - родители, учителя, приглашаемые в школу врачи-наркологи, которые говорят с ними на разных языках и вследствие этого не понимают друг друга.

Тут, наверное, играет роль разность поколений. К примеру, старший брат может оказать гораздо большее влияние, чем отец. Разница в два-три года дает возможность сравнения себя с тем человеком, который учит тебя жить, и большее преимущество перед разницей в двадцать-тридцать лет, которая для молодого человека как пропасть.

Мы прекрасно знаем, что Россию всегда преследовали два вопроса, как и две беды, а также знаем, как трактуются эти вопросы. Мы ищем, кто виноват, чтобы наказать его, и спрашиваем, что делать, оглядываясь друг на друга, пытаемся переложить бремя ответственности за принятое решение на соседа или вообще не принимаем никаких решений во избежание неправоты... А может, не так? Может, необходимо знать, кто виноват, для того, чтобы понять - почему? Если разобраться досконально в первом вопросе, то ответ на второй искать не придется, он придет сам собой, и все станет ясно, как день.

Есть ли смысл в ответах на эти вопросы, ведь тот, кто виноват, остался жить, а тот, кто невиновен, умер? Да, для них это уже не сыграет никакой роли, но, может, если об этом узнают другие, таких историй станет гораздо меньше?

Я вспомнил заметенные снегом избы за полустанком. Людям, живущим в них, наверное, показались бы смешными и высосанными из пальца мои рассуждения. Наркомания -

это побочный эффект цивилизации. Людям стало слишком легко физически и слишком тяжело морально. Так, может, мы заложники своего образа жизни?

Я снова взял очки, повертел в руках и положил обратно. После бессонной ночи глаза слипались. Лег на диван, сладко потянулся и тут же уснул, улыбаясь во сне своим родителям, старому дому и вишневому саду сразу налево за калиткой.

Виктор Коняев

ОТЕЦ, НЕ УХОДИ!

... Кривой, коленчатый проулок, обозначенный жердями и щелястым горбылём, бросался Витальке в колени крапивой, в лицо лопухами, то дыбился горбом, то исчезал из-под детских ножинок. Он падал и вскакивал, снова падал и тут же опять вскакивал. Бежать, бежать, быстрее, быстрее!.. Заполошённое сердчишко выпорхнуло из груди, мельтешило

вперед, тянуло за собой. Он не видел ни мать, ни старшего брата, он ощущал только ужас, метавшийся сзади и норовивший хряснуть доской, что была в руках пьяного отца. Добежать бы до дяди Стёпы, отцова брата - там спасение. Повзрослев, Виталя уже не помнил окончания тогдашнего кошмара, но этот лоскуток самого раннего детства до того крепко отложился где-то в глубинах его существа, что потом много лет всплывал временами тяжкими снами с неизбежным сюжетом погони и ужаса.

***

Отец своего Виталька любил крепко. Бывало, встречал с работы далеко от дома. Как животные точно определяют время, так и он в свои три года интуитивно чувствовал, что отец уже поднимается в гору, и бежал ему навстречу. Отец всегда нёс сыновьям гостинцы, чаще всего - конфеты-подушечки. Дорога от шахты до их улицы Подгорной неблизкая, да всё в гору. Конфеты в кармане отцовых брюк стаивались с кульком в сладкий липучий комок, но как радостно было идти рядом с усталым папкой и мять молодыми зубками конфетно-бумажную мешанину! Эти встречи частично всплывали на самой границе памяти и пустоты; что-то было рассказано матерью. Последняя картинка из раннего детства, где ещё был отец, отчеканилась в детской головке пожизненно, лишь чуть расплываясь в мираже лет.

... Знойный июль тысяча девятьсот пятьдесят пятого года. Он сидит на телеге с высокими бортами, в головах гроба. В гробу отец. Где мать, где брат - опять не отпечатлелось. Лицо папки, и при жизни сухощавое, стало аскетичным. Это уже отсюда, с холма годов так Виталя расшифровал детское восприятие, а тогда ему, скорее всего, казалось, что отец похудел. На лбу бумажка с узорами. У Виталика в руках мороженое. Для детей окраин лакомство нечастое,

наверное, и дали-то, чтобы не плакал. Жарко, мороженое тает. Он взрослым силился вспомнить, какое было мороженое, но не проникает взгляд за завесу времени... Подходят люди, что-то говорят, многие плачут. Он не ревет, а ведь умёнком детским соображает: что-то здесь необычно - и люди плачут, и папа лежит недвижно. Тревогой донесло из далёкого того дня в его взрослость, но трагедией стало уже при седине в волосах, когда годы прожитые даруют человеку истинное постижение родителей.

Причина смерти папы так и осталась для Виталия всю жизнь непрояснённой. По достижении возраста отца он твердо понял, что это - к лучшему.

Доносило слухи с ядовитым туманом, якобы мать убила отца в горячке, в ссоре. А однажды произошёл прескверный случай. Наверное, Виталя учился классе в девятом. Были гости - подруга молодости матери, тётя Капа, с мужем. Застолье с песнями текло спокойно. Виталик в другой комнате их барачной квартиры занимался своими делами - и вдруг, ах, это вечное вдруг... Действительно, вдруг из почти не воспринимаемого им хмельного разговора выломилась фраза тёти Капиного мужа, ударила болью в голову; зашумела кровью в ушах: «Марья, скажи честно, ты ведь убила мужика своего, Фёдора». Что ответила мать, как тётя Капа увела разговор с опасной стёжки, он уже не слышал, не воспринимал. Такой обиды Виталик ещё не испытывал. Это оскорбление не его, даже не матери, это унижение покойного отца, памяти его. Такое простить - себя не уважать. Дальше он действовал спокойно и хладнокровно, на каком-то автопилоте. Тихонько собрался; вышел, отошёл от барака и сел на лавочку в сторонке. Гости вышли нескоро. На крылечке тётя Капа отчитывала мужа, невысокого корявого мужичка, мелкого начальника, но с большим гонором. Слов было не разобрать, однако явно разругались. Пошли врозь. Виталий догнал мужика на

железнодорожных путях. Молча развернул к себе и бил молча, тот не сопротивлялся, молча же упал. У Виталия кровь отхлынула от ушей, стихла боль. Не шибкий любитель он драться, но и через многие годы считал свой поступок правильным. Муж тётки Капы (имя так и не вспомнилось) никому ничего не рассказал.

Да вот червячок сомнения или подозрения всё же покусывал где-то внутри. А вдруг? Вечерами Виталий читал лёжа при настольной лампе, мать готовила ужин, незаметно закрутился разговор. Матушка под села к сыну на краешек кровати, Виталий отложил книгу. Разговор получался душевный, обо всём. Вот тут он и попросил: «Мама, расскажи мне, как отец умер».

До этого на расспросы Мария Васильевна отвечала уклончиво, неполно. И нынче, хоть и не дрогнуло ничего в лице её, рассказывала сухо, явно тяготясь. Выходило так. Тем душным июльским вечером отец пришёл из города пьяный, его видели на улице, мать предупредили, и она с ним и с братом Колей ушла к дяде Стёпе с тёткой Аней. Дверь в сени осталась незаперта, отец из сеней пытался открыть другую, в избу, закрытую на замок. Неровный пол, в сенях кирпичная, обрамлённая по верхнему периметру стальным уголком, печь, неустойчивость хмельного человека - всё сошлось в смертной точке. До утра Фёдор Иванович пролежал в сенях с проломленной головой, умер в больнице от большой кровопотери... .

Поздно уже было, Виталия лёг спать, лежал, думал, а в некоем отсеке мозга, или сусеке памяти, засветилась точечка, что-то обжигала, ворошила, тревожила, заставляла напрячь её, память. Точечка разрасталась, вспухала и развернулась в отчётливое изображение при закрытых глазах, оттуда же, из пятидесятих годов.

...Осень. Мозглый ветер рвёт платок с головы бабы Оли. Она, мать и он (Колю увезли в Артыбаш к «мамастаре») на

могиле отца. Земля не примялась, не проросла травой, холмик могилы бугрится комьями глины. Мать бьётся в рыданиях, распластавшись по глине под скосившимся, уже потемнелым деревянным крестом: «Феденька, на кого же ты нас покинул, да как же я останусь без тебя с двумя ребятишками!» Баба Оля прижимает к себе его, испуганного, негромко причитает: «Вот меня не станет, и зарастёт дорожка к его могиле. Не зря он всегда пел «Вот умру я, и никто не узнает, где могила моя».

Обрадовался Виталю, что вспомнил, попереживал немного об отце и уснул. Не рвануло ему тогда грудину острой болью, не казнил себя жестоко, что забыл отца родного своего в его могильной бесприютности, оставил без сыновьева призора в последнем земном пристанище. Пришло это много позже. Оставшись в три с половиной года без отца, Виталий не сильно комплексовал по этому поводу. Был один случай, когда слово «безотцовщина» всё же резануло по нутру. В пятьдесят девятом году Виталий пошёл в первый класс. В начале зимы выдавали бесплатно валенки как раз таким детям. Валенкам был рад, а словечко дохнуло ущербностью. А так - жил, учился, книги читал - всё нормально.

Уже скончалась матушка, ушли из жизни близкие по обеим линиям родства и ещё годов череда утекла, а вот к сорока буквально в месяцы что-то заворочалось в душе неудобное. Вот тогда он и зарыдал на материной могиле и кинулся искать отцову. Поздно кинулся - нет того кладбища, и места никто не помнит, записей и тех не нашёл. Пророчески пел отец.

И что же осталось? Хоть бы вспомнить всё рассказанное, услышанное, подслушанное о своих родных. И он выскрёбывал из потаённых закоулков памяти всё буквально, вплоть до случайно оброненных фраз. Так уже засвербило узнать свою родословную, о своих предках, хоть

краешком души прикоснуться к их жизням и делам. Они жили, страдали, любили, рожали детей. Непросто жили, времена на долю родителей выпали ох какие тяжкие, не приведи Господь нам такое испытать. Куда кануло всё? Где, в каких небесных хранилищах сберегаются дела, поступки, события жизни, мысли и чувства предыдущих поколений? В сне каком увидеть матушку и, слезами омывая руки её, просить, просить, просить: «Мамочка! Расскажи о своём детстве, о юности. Как ты жила, что чувствовала, что любила? Мне это важно, для меня это жизненно необходимо, это важнее всего!» Но мама снится всё реже и отстранённее. Не будет уж того сна.

***

Фёдор Иванович Конов рождения тысяча девятьсот тринадцатого года. Дед Иван с родовой приехал в Алтайский край в начале двадцатого века из европейской России, вроде из-под Тамбова.

Перед Первой мировой зажили уже справно: землицы немало имели, занимались земледелием, разводили коней; сытый табун гулял на вольных лугах. Как и где сгинул дед Иван, никогда уж не узнать. Да разве мало было возможностей сгнуться в те годы судьболомные: мировая, революция, гражданская. Стёпа, Федя и Груня остались при одной матери. Хозяйство большое, без мужика невпродых, - мать Ольга вышла замуж вторично, взяла в дом примака. Мужик оказался ушлый, быстренько добро начал к рукам пригребать. Чужие дети встряли ему костью острой поперёк заглотущего горла, особенно Федька, пацанёнок характерный, непокорный. Отчим и в погребке держал пасынка сутками, и кнутом лупцевал до сырмясной задницы. Ноне усмирил парнишку, а озлобил дотолё, что работники еле упасли хозяина от топора олютевшего Федьки. Напослед он и вовсе спалил баню и ушёл насовсем.

...Вечеру брёл Фёдор, умаянный, глухоманной таёжной дорожкой. На заимку. Чует, вроде топот конский сзади, да всё слышнее, сдвоенный. «Отчим с работником. Догонят - убьют». Живо скатился под вывернутый здоровенный корень невадали от дорожки, закидался травой, ветками. Стук кованых копыт громче, уж набатом бьёт в уши. И встали кони прямо против выворотня. Голос отчима, ненавистный: «Но, шалавые, чё встали!» - «Хозяин, давай ошарим у дороги, кони его знают, поди, чуют». Федя омертвел. Это работник, гундосый Никодим, прихлёбыш хозяйский. «На заимке он, боле ему некуда деваться, там перевстренем. Да и темняет, в потьмах много ль нашаришь. Но, пошёл, пошёл!» Кони рванули, а Фёдор долго ещё лежал, обездвиженный от пережитого. На заимку не пошёл.

... Где отец жил до армии, чем занимался - толща времени укрыла то от сына. Подобно взбулькам воздуха из-под воды, выныривают обрывки рассказов родных о беспризорничестве, о найме в батраки. Урывки, обрывки, отрывки...

В тридцатые годы Фёдор Конов служил в Красной Армии, в Монголии, пять лет. Там и приключилась с ним беда, на третьем годе службы. Охраняли военные склады. Что там было? Оружие, обмундирование, продовольствие? Видимо, было нечто привлекательное, ежели напарник и товарищ Фёдора соблазнился. И начал исподволь, издалека уговаривать Федю ограбить склады и бежать. Тот отговаривал. Споры и уговоры окончились в одно из ночных дежурств тяжело для Феди и совсем трагично для напарника. Обозлённый неуступчивостью товарища и боясь разоблачения, Тимофей (так, кажись, звали его) в горячке спора рванул с плеча винтовку и всадил штык Фёдору в живот. Заполосно сбивал замки с дверей прикладом, чем-то набивал припасённый вещмешок, карманы шинели, к Феде даже не подошёл, кинулся во тьму, в степь. Был месяц май, ночами

шибко холодало. От холода Фёдор пришёл в сознание, опять ушёл из него, вновь ощутил себя, иззябшего на стылой земле, подплывшего кровью. Ухватился всё же за мысль, что без помощи тут и умрёт, доскрёбся до винтовки, лёжа выстрелил. Не помнил, как приехали из части, прояснился в госпитале, уже оперированный. Два с лишком месяца койка не выпускала Федю из своих пружинных объятий. Переживал за Тимофея, товарищ тот был неплохой, да вот хапужничество сгубило. Беглеца через месяц приволокли на верёвке монголы, заросшего и начавшего дичать. Трибунал приговорил грабителя и дезертира, покушавшегося к тому же на жизнь часового, к расстрелу. После вынесения приговора поставили перед строем и хлопнули пулей в лоб. Фёдор поправился, дослужил и - прощай, Монголия! В этом случае он судьбу пересилил - не умер от потери крови. ...

На небесах прядутся нити жизней человеческих, сплетаются, вяжутся узелки, сворачиваются в узлы. Году эдак в тысяча девятьсот тридцать седьмом оказался Фёдор Конов на юге Кузбасса; в деревне Усть-Пазнас Кородеевского района, плотником колхоза «Заветы Ильича». Вот тут и завязался главный узел его судьбы...

***

Материнский род Мамонтовых происхождения тоже зауральско-российского, - не проследилось Виталием, откуда точно. В начале того, двадцатого, века много народишку потянулось осваивать просторы Сибири, в крови у русского народа жажда первооткрывательства. Правительство выделяло неплохие деньги на обустройство, проезд, прокорм. Облюбовали переселенцы глухие тогда места - верховья Томи, её приток, многорыбную и многоводную красавицу Кондому. В семье у Анастасии и Василия Мамонтовых всего родилось десять детей, выжило шестеро. В те давние-давние

годы русские женщины рожали просто и естественно. Марьюшку приспело выпустить в мир августовской порой, на жатве ржи. Чужая желанная ребёнка увидеть белый свет, Анастасия взяла припасённый узелок со всем необходимым, ушла в лес, родила, обиходила ребёнка и себя, покормила девочку, положила под кусток и пошла дожинать рожь.

Анастасия Корниловна в семье верховодила, характером обладала властным, неукорным. А как было иначе: ртов много, только успевай пои-корми. Василий Алексеевич в противовес жене мягок был, ласков к детям, к тому ж рюмашку мимо рта усатого не проносил. Была раньше профессия такая - заготовитель. Вот им и был дед Василий. Ездил по деревням, принимал шкуры домашних животных, кости, дёготь, смолу, пеньку, рога, расплачивался бижутерией, мелким ширпотребом, галантереей. Работёнка и так не пыльная, разъездная, так ведь и загулять мог на неделку-другую Василий, оттого дома бывал редко. Тянула тяжкий воз многодетной семьи бабка Анастасия, ну, тогда совсем и не бабка, а красивая баба русская. Колхоз свою работу требовал неукоснительно, и приходилось детворе сызмала помогать по хозяйству и друг другу. Скот домашний напоить-накормить осваивали раньше, чем читать-писать. Через пласты времени, в седых годах, Мария Васильевна рассказывала сыну о своём детстве с горчинкой обиды в голосе, доселе не растаявшей, на свою маму, Виталину бабу Настю (все внуки звали её «мамастара», иного не признавали).

...Зима. Раннее-раннее утро. Холодрыга за стенами избы, видать, страшная. А видать зримо по молочно-белым студёным струйкам воздуха, кошачьей крадью вползавшим в открывавшуюся матерью по каким-то надобностям дверь. Мать уже несколько раз будит Машу: «Марья, вставай». Но где набраться девчонке духу вынырнуть из-под теплющего отцова тулупа, от тёплых же сонных

Мишки и Борьки, соскочить с такой нежно греющей кормилицы русской печи да на кусающий босые ноги холодом пол. В сонный туман отплывают чинящий конскую упряжь при свете керосиновой лампы отец и суетящаяся у печи мать. И оттуда, из пронизанного жёлтыми бликами тумана дослышивается простуженный голос отца: «Мать, да пусть доча поспит ещё чуток, рано ведь». Маша благодарна тятю, прижимается поближе к Борьке и готова уползти поглубже в мир сна. Ан было, да не тут. Верёвка с жёсткими узлами прожигает сквозь холщовую рубашку девчоночье тело такой неожиданной болью, что Машенька мигом оказывается на полу. Кончилось ночное печное блаженство, пора заниматься делами. Жестка была мамастара, ох жестка. А как иначе при бесхарактерном, гулеванистом муже? Василий Алексеевич иной раз до того упивался где-нибудь у знакомого мужика в соседней деревне, что и лошадь терял, и немудрёный товар растаскивали. Тверёзый работник был хороший, безотказный, его прощали, убытки возмещал. Скучно жили, зато весело. Года за два до войны жизнь сильно пошла на улучшение: сельчане дома новые рубили, домашней птицей, скотом обзаводились в обилии, одеваться стали пригляднее. Места окрест красивейшие: тайга, горушки ещё невеликие - предгорье Шории; зверя, птицы полно, куда уж Швейцарии равняться с Шорией, разве только название на одинаковую букву начинается. В предвоенные годы юг Кузбасса бурно осваивался. В горах Шории нашли немалые запасы железной руды. До Кородево дотянулась ниточка железной дороги, однопутка пока, она потянулась дальше, в Таштагол, там рудник открыли. А Усть-Пазнас, глухоманная деревенька верстах в тридцати с гаком от райцентра (да кто их считал, вёрсты и гаки!), жила таёжно-дремотной жизнью: сеяли рожь, лён, овёс,

ловили рыбу, косили сено, воевали с тайгой, с неё же и прибыток имели охотой, грибами, ягодами, орехом кедровым.

Марья Мамонтова, рождённая в год смерти Ильича, на жатве, а записанная в загсе только в январе следующего, тысяча девятьсот двадцать пятого года, по занятости и безалаберности родителей и по этому их упущению ставшая почти на полгода моложе, к тридцать девятому году претерпела извечное волшебное превращение из гадёныша-утёныша в лебёдушку.

***

У Марии с Фёдором разница в возрасте почти двенадцать лет. Сейчас, в двадцать первом веке, такое непривычно, нынешняя молодёжь чаще женится близко по возрасту, а тогда, в тридцатые годы века двадцатого, а если вспомнить историю, то много раньше, муж почти всегда был изрядно старше.

Невзрачен Фёдор Конов: невысок ростом, худощав до худобы и взглядом неласков. Зато хваток в работе, ловок в драке - для селянина немало. Чем-то он зацепил же девку молодую. Чем? Опять прогал в воспоминаниях Виталия. Мария Васильевна однажды в разговоре об отце скупно обронила, что любила она парнишку Колю, позднее погибшего на войне. И сразу замкнулась, более о том ни разу не обмолвилась. Не развязанным получился любовный узел, а разрубленным. Коля ушёл на фронт, не познав женской любви, и исчез вовсе с лица земли. Маруся вышла замуж не любя. Да, видно, стерпелось-слюбилось, а позже пришло настоящее чувство. Как бы ни было, а в тысяча девятьсот сороковом году, осенью, после обмолота зерна, они поженились. Три дня деревня гуляла, до изодранных мехов гармошек. А то ж - полдеревни Мамонтовых вместе с председателем колхоза, и Фёдор не из последних работников.

Грамотёшки всего-то у него классов пяток, так армия чему-то подучила, природный цепкий ум тоже выручал. Считал до грамма на трудодень, в случае обščёта вытрясал душу из учётчика и счетовода. В этом же годе молодые уехали жить в Кородеево. Фёдору тесно стало в глухой деревушке. Родня женина шибко против была, колхоз препоны ставил, но в райцентре депо разрасталось, рабочие требовались неотложно, так и сложилось - уехали.

Тут, кстати, Виталию вспомнился смешной случай с его матерью, тогда тёмной деревенщиной, самой ею рассказанный.

Значит, приехали молодые в райцентр на шарабане (тархтелка такая конная), супруг оставил супругу на квартире у родственников Маши, где они стоворились снимать комнату, пошёл по делам. Маша поскучала и надумала прогуляться, давно не была в Кородеево. Она здесь училась в интернате: школы тогда в их деревне не было. С учёбой не заладилось, и не то чтобы науки не давались - угнетала оторванность от родных, чужие люди, насмешки. Жалилась отцу: «Тятя, забери меня отсюда, мордва обижает». Тятя, восковый тятя с васильковыми глазами, махнул рукой: «Хватит девке и четырёх классов». С тех пор ни разу сюда не вырвалась. А тут, бают, диво построили - дорогу из чистого железа, хоть глазочком глянуть страсть как охота. Ходила, вспоминала. Много изменений: какие-то постройки появились, дома новые, райцентр разросся, а никакой железной дороги нету. Пришла в дом расстроенная, Фёдор вернулся, ждал её. «Ты где была?» - «Ходила железную дорогу смотреть». - «Посмотрела?» - «Да нет, нету нигде её». У Феди глаза стали знаками вопроса. «Погоди, ты где была?» - «Там-то и там-то». - «Так ты её дважды переходила!» - «Кого?» - «Дорогу железную». - «Да ничего я не переходила». Федя забеспокоился всерьёз, уж не заболела ли жена. Когда же выяснилось, что Маша думала увидеть листы железа, тянущиеся до

горизонта, и катящий по ним паровоз в виде большой телеги, Фёдора Ивановича смех изогнул в дугу. Прибежали испуганные родственники, уяснив причину шума, хохотали до спазм в животе. Глядя на них, и Маша не устояла. Долго Фёдор подкузьмивал жену: «Пойдём железную дорогу посмотреть».

Работать Конов пошёл в депо составителем. Маша пока сидела дома.

Накатился год Великой войны. Морозы стояли в ту зиму трескольдовые. Машу взяли в деповскую столовую помощником повара, дак навык был - в колхозе на стане полевом кашеварила - ничего, ели, нахваливали. Теперь реже стала бегать в Усть-Пазнас. Скучала по дому, а пробечь молодым ножкам те гаковые вёрсты - дело плёвое. Отвьюжился февраль, а в марте у Фёдора опять пересечка с бедой вышла. Работа составителя опасна - постоянно движущиеся вагоны. Допустил промашку Фёдор, цапнул его вагон, потащил по снегу и щебёнке, норовя подмять под себя, к колёсам. Фёдор цепок, ловок, да и жизнь на кону - не дал колёсам прокатиться по себе, но левую ногу изломало до каши из кости. Снова больница, операции, перевязки... Выписался после майских праздников. Ещё день до дому, лежал-то в Сталинске. Переживал за свою, как он считал, ущербность. Врачи кости собрали, срастили, но нога укоротилась на несколько сантиметров. Мария о том не знала, была в больнице один раз с тёщей, Анастасией Корниловной, тогда трудно было перемещаться на дальние расстояния.

В укор сомненьям Маша встретила мужа, хотя ещё и не совсем мужа, непоказно радостно. А в конце мая они стали официально супругами. Закавыка в том, что сельсовет в прошлом году выдал справку о браке, а зарегистрироваться можно было только с шестнадцати лет. Что они и сделали.

Природную подвижность Федя быстро восстановил, но работать составителем с хромотой несподручно. Конов перевёлся слесарем.

***

В Кородееве узнали о войне вечером двадцать второго июня. Весть та полоснула подобно кнуту по живому оголённому телу; от резкой, ожидаемой, но сиюмоментно неожиданной боли пошли волны реакции по тканям и мышцам организма. Марья Васильевна вспоминала, проживала снова день чёрный тот в восемьдесят пятом году, на сорокалетие Победы, и на что не добра была на слёзы, а весьма скуповата, её выразительные большие глаза, хоть уже остаревшие, вдруг плеснули избыточной влагой, подобно глубоко-немерянному озерку в обрамленьи тайги, сверх меры напитавшемуся затяжными дождями.

У здания райкома партии собрался стихийный многояудный митинг. Бабий рёв ударными наплывами метался по-над посёлком. По окончании митинга мужики сосредоточенно расходились по домам; те, кому завтра уходить на Запад, - собрать сидора с харчишками, провести остатнюю ноченьку под родной крышей и утром - прощай, семья.

И Фёдора на фронт не брали - проклятая хромота, да и будь здоров - всё равно деповские рабочие (основные специалисты) получали броню. Полночи курил, от скрипа зубов желваки шатунами бегали по скулам. Утром, часов в восемь, Марья собиралась на работу, Федя давно ушёл, застучали по крыльцу сапоги и на пороге появился тятя, любимый тятенька её, улыбчивый, неунывающий и с редкими глазами поля, сплошь усеянного чародейскими васильками. Целуя, нащекотал щёки мягкими светлыми усами. Деревенские гостинцы, приветы, новости, - всё в куче, всё вперемешку. Тятя торопится: в девять надо быть на сборном

пункте, а выехали ещё до света. Сашка, старший брат, двадцать первого года рождения, готовится. На днях, скорей всего, тоже туда отправится. Мать опять в тяжестях; к осени роду Мамонтовых будет прибыль. Спешит тятя, спешит, не допил чай, от водки отказался, ему ещё своих найти, определиться, записаться. Тут вот Машу шабаркнуло по голове понимание масштабов беды. Слёзы рванулись из глаз водой прорванной плотины вместе с голосом: «Тятенька, родимый мой! Тебя же могут убить. Не уходи!» Василий Алексеевич прижал дочку к выцветшей на груди косоворотке, усы стрекозиными лапками шевелили ухо: «Доча, ну что ты. Да ни в жисть меня не убьют. Я ещё внуков не нянькал. Рано мне умирать. Сынок вот скоро народится. А итти надо, война ведь». Оторвался от ревущей дочери, проскрипели ступеньки крылечка похоронным скрипичным аккордом под летящим шагом Василия Алексеевича. И всё. Проводил тот ступенечный скрип отца в последний путь...

В старости Мария Васильевна болела диабетом, плохо засыпала, чаще под утро, и как-то Виталия раньше будильника разбудили звуки, странные, рвущие сон. Вскочил, бросился в комнату к матери - она лежит, разметав по лицу седые волосы, и лицо, и волосы мокры, рыдания натужно рвутся из груди. «Мама, что случилось?» - полусонный Виталий в испуге - может, приступ. Мать давит плач, а он, непокорный, насильно сдержанный, прорывается обвалом. Сын гладит матушку по голове, по плечам, успокаивает. Ну, вроде отошла немного, слёзы вытерты. «Так что случилось, расскажи». И Мария Васильевна рассказывает сыну странный свой сон.

...Кордеево. Утро двадцать третьего июня тысяча девятьсот сорок первого года. Она стоит в слезах, отца нет, он уже вышел, скрипят ступеньки, скрипят-плачут по только

что прошедшему по ним человеку, по её тятё, пронзительно скрипят, заполняют голову, а она точно знает, что никогда не увидит отца, он растворился в войне под этот скрип.

***

На работе Маша упросила, умолила отпустить её на проводы отца. Отпускали многих - первый эшелон с мобилизованными отправляли. Взапыхах на станцию прибежала, да не добежала. Океанище людской мельтешился, колыхался на дальних подступах к составу. Со всех ближних деревень, сёл, хуторов, заимок прибыли новобранцы. Гармошки, балалайки, бабы слёзы, рёв детей, кой-где песни; платки, картузы, узлы... Маша, доселе и не выдававшая никогда такое скопище людей, стояла поодаль в растерянности: «Что же делать? Где тятю искать?» Издалека тягучей волной дакнул на уши паровозный долгий гудок. У эшелона суэта взметнулась высокой нотой криков, команд, женским истошным плачем. Из-за толп людских Мария не увидела, как тронулся состав, она его вообще не видела. Только сколько-то времени спустя из леса, куда втянулся эшелон, пополз на посёлок паровозный дым да гудок всё гудел, теряя в силе, прощально по всем уезжавшим и всем остающимся. Машенька опустошена и отрешённа, одна только мысль скакала в голове: «Плохая примета, плохая. Тятенька ушёл на войну непровождённый. Очень плохая примета».

Дочь оказалась провидицей. Даётся, видно, дар такой редкий людям, сильно любящим. Не проводила она отца, и осталась вина на весь отмеренный срок жизни. С колхоза тоже не отпустили никого проводить служивых - работы навалилось разом неохватно.

Не доехал даже до фронта Василий Алексеевич. Эшелон разбомбили немцы в брянских лесах. А кровушка

деда Виталиного никак умирать не хотела - уже питались наземные и подземные жители лесные кусками его тела, размётанного взрывом, появился на свет Божий последний сын, поскрёбыш Митька...

***

...Виталий Фёдорович стоит на балконе своей соты-квартиры большого муравейника-дома, смотрит вниз на вечернюю жизнь города, курит, думает. Невесёлые думки. Не молод уж он, можно признаться самому себе, что жизнь без отца ущемлённая с одного боку. Эту ущемлённость он всю жизнь преодолевал и до конца не преодолел. Представляет мысленно: вот он приходит домой, его встречает семья и старенький, седой отец. «Папа, я тебе гостинец принёс», - и такая радость в старческих любящих глазах. Представил - и слеза наплыла на глаз, а во рту до того явственно ощутил вкус конфет-подушечек напололам с бумажным кульком, ажно челюсти дёрнулись в жевательном движении.

Не уходите, отцы, из жизни раньше небом означенного срока, не кладите вину нечаянную, но больную, на детей своих.

18 апреля 2006 г.

СОДЕРЖАНИЕ

Любовь Никонова

“Гренада”. XXI век: новые авторы 3

Александр Томский 6

Валерия Лихачёва 12

Евгения Короткевич 21

Максим Шулаков 25

Наталья Истомина 27

Елизавета Речкунова 30

Владимир Зотчик 33

Роман Дроздов 36

Людмила Павлиди 42

Дмитрий Хоботнев

Зал ожидания 46

Змеи 57

Ночь моей смерти 62

Мост 65

Уставший от снов 68

Пыль 71

Евгений Беверс

Сын 80

Виктор Коняев

Отец, не уходи! 112

Литературно-художественное издание

“ГРЕНАДА”

СТИХИ И ПРОЗА

Редактор Никонова Л. А.

Дизайн и
предпечатная подготовка Ябров К.А.

Корректор Бондаренко Г.Е.

Издательство “Кузнецкая крепость”
654007, г. Новокузнецк, пр. Кузнецкстроевский, 1
ДТС, Союз писателей

30р.

Отпечатано с готового оригинал-макета в типографии
издательства «Вестер»
г. Томск, Иркутский проезд 1 тел. 659-336
подписано в печать: 22.12.2006 г.
Формат 62x84/16.
Бумага офсетная № 1. Печать офсетная. Усл. печ. л. 8,125

Тираж 500 экз.

МБУ "МБС"
г. Новокузнецк

ИЗДАТЕЛЬСТВО

• Кузнецкая Крепость •